

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

15.3

3 выпуска в год на многих языках

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
Памяти Майкла Буравого

Майкл
и два Карла

Майкл Буравой
и публичная
глобальная социология

Слова признательности

Клаус Дёрре
Бригитта Ауленбахер
Роланд Атцмюллер
Фабиен Десьё
Рафаэль Дейндль
Карин Фишер
Йоханна Грубнер
Нэнси Фрейзер
Нгай-Линг Сум
Боб Джессоп
Хайди Готфрид
Мишель Уильямс

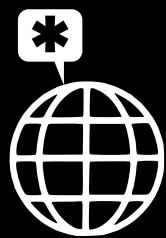
Джеффри Плейерс
Назанин Шахрокни
Руй Брага
Павел Кротов
Татьяна Лыткина
Светлана Ярошенко
Фарин Парвез
Айлин Топал

Ари Ситас
Шайх Мухаммад Кайс
Сиябулела Фобоси
Дэвид Голдблэтт

Открытый раздел

> Время для социологии

ЖУРНАЛ

Том 15 / Выпуск 3 / ДЕКАБРЬ 2025
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

ISA
International
Sociological
Association

> От редакции

Специальный номер, посвященный памяти Майкла Буравого

В рамках празднования 15-летия Глобального Диалога, основанного Майклом Буравым в 2010 году, в январе этого года мы решили посвятить номер журнала достижениям в области публичной и глобальной социологии за прошедшие 15 лет.

Представление Майкла о содержании этого специального номера было весьма амбициозным, что он и выразил в нашей личной переписке:

«Брено, я думаю, идея посвятить специальный номер ГД пятнадцатилетней годовщине журнала – просто отличная! Возможно вам удастся насытить этот номер статьями из регионов (хотя это и непросто), или фокусировать внимание на некоторых основных проблемах публичной социологии сегодняшнего турбулентного времени, таких как война, изменение климата, неравенство и abortion – и на все это посмотреть в глобальной перспективе. Другой вариант – собрать тексты людей, которые способны написать что-то интересное. Еще одна возможность – обратиться с приглашением участвовать в номере к исследовательским комитетам МСА и попросить их подготовить соответствующие разделы. Можно также попросить сформулировать предложения для номера. Перспективы безграничны!»

Майкл трагически погиб в дтп 3 февраля 2025 года. Мы сразу же стали получать большое количество некрологов и воспоминаний о встречах с ним. 8 февраля МСА организовала [онлайн встречу в память о Майкле Буравом](#). В течение последних месяцев коллеги, студенты, активисты и организации из самых разных уголков мира вспоминали его и говорили о его выдающемся интеллекте, великолепии и преданности социальной науке.

Майкл был выдающимся педагогом, публичным интеллектуалом и ученым-трансформатором; он стал источником вдохновения для многих социологов во всем мире. Его наследие включает выдающиеся работы о труде и этнографии, глубокую преданность публичной социологии и работу над созданием глобального сообщества мыслителей и активистов – его учеников.

И вот теперь этот выпуск посвящен не только проблематике публичной социологии, но, прежде всего, памяти и наследию Майкла. Мы также отмечаем таким образом пятнадцатилетие Глобального Диалога и обсуждаем развитие публичной и глобальной социологии сквозь призму профессионального пути Майкла и его достижений. В этом номере коллеги Майкла, его студенты и друзья со всего мира делятся с читателем своими мыслями, аналитическими выкладками и личными размышлениями о его работе и встречах с ним.

Номер содержит три тематических раздела. В первой части, которую подготовили предыдущие редакторы ГД Клаус Дерре и Бригитт Ауленбахер, рассматривается вовлеченность Майкла в проблематику социологического марксизма, его теоретический вклад и практическое применение идей. Обращаясь к диалогу Майкла с двумя Карлами – Марксом и Поланьи, – авторы рассматривают вопросы труда, эксплуатации,

рыночного фундаментализма и трансформативный потенциал марксистской социологии в свете интеллектуального наследия Майкла. В этом разделе наряду с другими, такие авторы, как Нэнси Фрейзер, Боб Джессоп и Мишель Уильямс, отмечают глубину и масштабность его аналитического видения, способность объединить критическую теорию с проблематикой современной социальной борьбы.

Вторая тема номера фокусируется на новаторской работе Майкла в области публичной и глобальной социологии. В публикациях рассматриваются проблемы и возможности социологии как глобальной профессии, которая обращается к насущным проблемам общества, таким как неравенство, общественные движения и транснациональные диалоги. В статьях освещается методологическое новаторство Майкла, его приверженность социологии, вовлеченной в практики гражданского общества, и его влияние на трансконтинентальные дебаты в Европе и Южной Америке, Азии и Африке. В этом разделе Майкл предстает как социолог, который сформировал направление развития и теоретическую рамку понимания мира в турбулентные времена.

Третья тема номера – личные воспоминания и слова признательности Майклу, в которых подчеркивается гуманистическое измерение его научной работы. В этом разделе авторы рассказывают о встречах, спорах, совместной полевой работе и отмечают тепло, педагогическое участие и вдохновение, характерные для его отношений со студентами, коллегами и активистами. Эти тексты показывают, как его работа в таких разных местах, как Южная Африка и Бангладеш, находила отклик в локальной борьбе за справедливость и как его идеи продолжают обучать социологов критически размышлять об обществе, сохраняя приверженность трансформирующему действию.

Майкл Буравой развивал понимание социологии как строгой науки, которая одновременно ориентирована на социальную трансформацию. В этом номере мы отаем должное его удивительной жизни и работе, подтверждаем нашу общую приверженность публичной и глобальной социологии – социологии, которая не только анализирует мир, но и стремится к его трансформации, порождая новые идеи, дискуссии и действия. Во времена, когда социология и социологи подвергаются нападкам, важнее, чем когда-либо становится продвижение критической социологии, которую так вдохновенно защищал Майкл. В связи с этим этот специальный выпуск включает также Декларацию «Время социологии», представленную МСА на 5-м Социологическом Форуме в Рабате 6 июля 2025 года.

Мы надеемся, что представленные в этом номере идеи, размышления и исследования, помогут социологам всего мира в развитии публичной глобальной социологии, которая является отважной, критической и трансформирующей. ■

Брено Брингель, Каролина Вестерна и Витория Гонсалес,
редактор и заместители редактора Глобального Диалога

> [Присыпайте статьи по адресу:](#)
globaldialogue@isa-sociology.org

> Редакторский совет

Редактор: Брено Брингель.

Помощники редактора: Витория Гонсалес, Каролина Вестена.

Заместитель редактора: Кристофер Эванс.

Управляющие редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультанты: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Ливан) Сари Ханафи, (Тунис) Фатима Радхуани, Сафуан Трабелси, Сивар Харраби.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хайрул Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Шайх Мухаммад Каис,Md. Абдур Рашид, Мухаммад Джакирил Ислам, Хелал Уддин, Масудур Рахман, Расел Хуссейн, Ясмин Султана, Md. Шахидул Ислам, Фархин Актер Бхуян, Садия Бинта Заман, Md. Насим Уддин, Экрамул Кабир Рана, Аlamgir Кабир, Таслима Насрин, Сурайя Актер, Айеша Сиддик Хумайра, Нусанта Аудри, С. Md. Шахин.

Бразилия: Фабрицио Масиэль, Андреза Галли, Хосе Гирадо Нето, Джессика Маццини Мендес, Карин Пассос.

Индия: Рашими Джайн, Маниш Ядав.

Индонезия: Хари Нугрехо, Фина Итрияти, Индра Ратна Иравати Паттинасарани, Нурул Айни, Люсия Ратих Кусумадеви, Русфадия Сактияни Джахья, Арио Сето, Адитья Пердана Сетиади, Домингус Элсид Ли, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибуддин, Грегориус Рагил Вибаванто, Хартмантио Прадигто Утомо.

Иран: Рейхане Джавади, Ниаеш Долати, Эльхам Шуштаризаде, Али Рагеб.

Польша: Александра Бярнацка, Йоанна Беднарек, Себастьян Сосновски.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Тайвань: Ван Джю Ли, Юн-Сюань Чоу, Чжи Хао Керк, Марк И-Вэй Лай, Юн-Цзю Лин, Тао-Юн Лу, Чень-Ин Чень, Ю-Вэн Ляо, Ни Ли.

Турция: Гюль Чорбаджоглу.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

“социология общества, для общества и в обществе, объединяющая глобальную и локальную перспективы”

Раздел «Майкл и два Карла», под редакцией Клауса Дёрре и Бригитты Ауленбахер, исследует связь Майкла с **социологическим марксизмом**.

Второй тематический раздел посвящен новаторской работе Майкла в области **публичной и глобальной социологии**.

В заключительной части собраны **личные истории** и размышления, подчеркивающие человеческое измерение научной деятельности Майкла.

На обложке: Майкл Буравой в Европейском Университете в Санкт-Петербурге, 2015 год. Фото Татьяны Лыткиной.

Глобальный диалог *выходит*
благодаря щедрому гранту
SAGE Publications.

> В этом номере

От редакции: специальный номер памяти Майкла Буравого **2**

> МАЙКЛ И ДВА КАРЛА

Социологический марксизм: что еще предстоит сделать Клаус Дёрре, Германия	5
Сопротивление эксплуатации и рыночному фундаментализму Бригитта Ауленбахер, Роланд Атцмюллер, Фабиен Десьё, Рафаэль Дейндль, Карин Фишер и Йоханна Грубнер, Австрия	7
Майклу Буравому: Слова признательности Нэнси Фрейзер, США	9
Публичная социология Майкла и экономика внимания Нгай-Линг Сум и Боб Джессоп, Великобритания	12
Майкл Буравой без границ Хайди Готфрид, США	14
Дерево социологического марксизма Майкла Буравого Мишель Уильямс, Южная Африка	16

> МАЙКЛ БУРАВОЙ И ПУБЛИЧНАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Майкл Буравой – компас социологии нашего времени Джеффри Плейерс, Бельгия	19
Майкл Буравой: Социология как призвание Назанин Шахрокни, Иран/Канада	21
Майкл Буравой: между живым марксизмом и публичной социологией Руй Брага, Бразилия	24

Буравой и ремесло глобальной публичной социологии: Диалоги с Россией

Павел Кротов (США), Татьяна Лыткина и Светлана Ярошенко (Россия)	27
Майкл Буравой: публичная социология и оптимизм воли Фарин Парвез, США	30
Трудовой процесс и производство гегемонии: взгляд Буравого Айлин Топал, Турция	34

> СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Встречи и дискуссии с Майклом Буравым Ари Ситас, Южная Африка	38
Майкл Буравой: человек-маяк Шайх Мухаммад Кайс, Бангладеш	40
Памяти Майкла Буравого: марксистский взгляд на индустрию маршрутов в Южной Африке Сиябуела Фобоси, Южная Африка	42
Периодическая таблица осуществимой утопии Дэвид Голдблatt, Великобритания	43

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Время для социологии Международная социологическая ассоциация (МСА)	45
---	-----------

“Публичная социология без Буравого подобна птице без крыла. Но, к счастью, он научил летать многих социологов”

Лабино Кунушевчи (Косово)

> Социологический марксизм: что еще предстоит сделать

Клаус Дёрре, почетный профессор Йенского университета, Германия

Карл Маркс и Карл Поланьи – основные источники вдохновения для социологического марксизма, разработанного Майклом Буравым вместе с его другом Эриком Олином Райтом.

> Марксизм: корни, ствол и ветви

Буравой понимает марксизм как живую традицию, укорененную в историческом материализме, гуманизме и специфическом для молодого Маркса понимании теории и практики. Из этих корней вырос великий «ствол» марксизма – критика политической экономии, изложенная в «Капитале». Из ствола, в свою очередь, выросло множество ветвей: немецкий марксизм до Первой мировой войны, советский марксизм, который превратился в догму, и, как реакция на них, западный марксизм и марксизм Третьего Мира. Некоторые ветви увядают, другие расцветают; каждая из них соответствует трем волнам рыночной экономики (первая в XIX веке, вторая с 1918 года и третья, начавшаяся в 1970-х годах), которые Буравой описывает в своей критической работе, посвященной Поланьи. Чтение Поланьи, наряду с Маркском, необходимо для понимания социологического марксизма как рефлексии о третьей волне.

> Марксизм после Поланьи

Буравой отходит от традиционной марксистской идеи о том, что противодействие капитализму следует искать в сфере производства. Для Буравого производство является как раз тем местом, где формируется согласие с капитализмом. Учитывая наличие глобального «избытка» рабочей силы, полузащищенная занятость представляется работнику не эксплуатацией, а желанной привилегией. Субъективно это не эксплуатация, которая по-прежнему необходима для накопления капитала, а скорее опыт «сатанинской мельницы рынка» (Поланьи), который формирует многообразие человеческого существования.

> Социологический марксизм

Это переосмысление традиционного марксизма Буравой включает еще несколько ключевых идей.

Во-первых, социологический марксизм должен рассматривать коммодификацию природы как определяющую черту третьей волны рыночных преобразований. Таким образом, Буравой призывает к ограничению рынков и социализации средств производства, что может означать как расширение, так и ограничение основных свобод. Во-вторых, марксизм третьей волны сосредоточен на демократическом гражданском обществе за пределами рынка и государства. Рынки и государства не исчезнут, но они должны быть поставлены под контроль демократического гражданского общества. В-третьих, этот марксизм рассматривает национальное и глобальное гражданское общество, поскольку гражданское общество, защищающее человечество от надвигающихся экологических катастроф, в конечном итоге должно иметь глобальный характер. В-четвертых, такой марксизм должен опираться на широкий спектр социологических знаний, содержащихся в широко признанных работах, посвященных критике рынка. В-пятых, идея социалистического общества для Буравого опирается на молекулярную трансформацию гражданского общества, то есть на реальные утопии, зародышевые формы живых альтернатив по всему миру, которые он обнаруживает. В-шестых, он развивает социологический марксизм как глобальное учение, которое, в-седьмых, методологически отказывается от теоретических определенностей и практических императивов, чтобы опровергнуть новые способы баланса между теорией и практикой.

> Авторитарный либерализм

Наследием Буравого является идея социологически обоснованного социализма, которую мы должны принять, если хотим увеличить шансы на достойное будущее. В этом отношении мне кажутся важными три задачи. Во-первых, мы должны проанализировать новые социальные разделения, возникающие в ответ на коммерциализацию природы и знаний, а также на финансово-ориентированный «захват» труда и денег.

Третья волна рыночных преобразований подходит к концу, и в авторитарных государствах и правительствах все чаще возникают контрдвижения,

>>

“авторитарный либерализм можно победить только если внутри политической системы появятся привлекательные альтернативы”

направленные против расширения рынка. Между тем диверсифицированное и независимое демократическое гражданское общество все чаще подвергается угрозе. Мы начинаем испытывать эффекты четвертой волны, которую Герман Хеллер, марксистский теоретик второй волны, называет «авторитарным либерализмом». Этот термин обозначает авторитарное государство, которое полностью отказывается от своей власти в сфере экономики и признает только свободу рынка. Сегодня мы, похоже, переживаем именно такую реакцию на конфликтную социально-экологическую трансформацию: экономика освобождается от бюрократических оков, а защита климата, если она вообще еще проводится, оставляется на откуп рыночным силам и технологическим инновациям. Неомеркантилистская торговая политика заканчивает эпоху рыночной глобализации, сделки между элитами заменяют транснациональную дипломатию, олигархическое правление подрывает демократию изнутри, а фундаменталистская культурная война приводит к ликвидации основных прав человека. Классовые привилегии укрепляются, сексизм и расизм мутируют в государственную идеологию, а университеты, которым Буравой отводил центральную роль в борьбе с коммодификацией, подвергаются государственной тирании. Эта новая волна коммерциализации сосредоточена на социальных отношениях. Поскольку предполагается, что ресурсов на всех не хватит, то право на жизнь должны иметь только самые продуктивные жители Земли. Таким образом, речь идет о зонах процветания, всеми доступными средствами изолирующихся от подверженного бедствиям остального мира.

› Возвращение классового вопроса

В мире, где происходят войны и катастрофы, еще одна из важнейших задач, которую оставил нам Буравой, вытекает из идеи о том, что недостаточно искать альтернативы в нишах старой системы. Хотя такие усилия по построению социализма снизу по-прежнему важны, также ясно, что «авторитарный либерализм» новых олигархов может быть побежден только в том случае, если в рамках всей политической системы появятся надежные альтернативы, способные завоевать поддержку большинства. Поэтому было бы неразумно отказываться от борьбы за государственную

власть. Чтобы противодействовать продолжающемуся уничтожению разума, необходимо вновь подвергнуть публичному контролю эксплуатацию и угнетение, скрывающиеся за рыночной логикой. Центральными для такого проекта мне представляются размышления Эрика Олина Райта об интегративной теории классов, которая связывает Маркса не только с Поланьи, но также с Вебером и Бурдье, и не в последнюю очередь с интеллектуальными голосами «черного» и феминистского марксизма.

› Глобальный марксизм

Независимо от того, как мы относимся к этим предложениям, развитие социологического марксизма глобального уровня остается стремлением, которое еще предстоит реализовать, и третьей задачей, которую я считаю центральной в наследии Буравого. Внезапная трагическая смерть Майкла заставила нас вспомнить, что мы становимся свидетелями постепенного ухода поколения социологов, сформированных как в академическом, так и в политическом плане движениями (после) 1968 года. Конечно, растут новые поколения, и для социологов моего возраста достойной задачей является поддержка и поощрение всех тех, кто использует идею социологического марксизма Майкла в качестве основы для своих размышлений. Нам стоит поддержать молодое поколение, слушать его и критиковать «вечные истины» новых центральных комитетов и идею марксистского «супермаркета», где идеи подбираются в соответствии с духом времени, без учета повседневных социальных проблем угнетенных. Говоря коротко, мы должны выявлять платформы и форматы, которые позволяют осуществлять обмен мнениями, который бы реализовал то, что Майкл представлял как перформативную идею: глобальный марксизм, указывающий путь к преодолению капитализма с его войнами и катастрофами. ■

Адрес для связи: <klaus.doerre@uni-jena.de>

Те, кому интересны эти размышления, могут также обратиться к результатам проекта *Emancipation through Socialism* [Эманципация через социализм], который автор провел вместе со своими студентами и молодыми исследователями, на сайте: <https://emasoc.de/sozialismus-von-unten-emanzipatorische-ansaeze/>

> Сопротивление эксплуатации и рыночному фундаментализму

Бригитта Ауленбахер, Роланд Атцмюллер, Фабьен Десьё, Рафаэль Дейндель, Карин Фишер и Йоханна Грубнер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия

В социологии Майкла Буравого есть марксистский, поланьевский и еще много других аспектов. В этой статье рассматривается его наиболее впечатляющая и вдохновляющая работа, кульминацией которой стал анализ рыночного капитализма XXI века.

> Майкл и Карл Маркс

Широту и основные идеи работы Майкла трудно описать в нескольких словах: можно запутаться в множестве интригующих траекторий. Неудивительно, что он описал свое многолетнее участие в развитии трудовых процессов как [«Одиссею марксистского этнографа»](#) и видел свою роль в обновлении (социологического) марксизма как роль «путешествующего переводчика».

Теоретическая перспектива Майкла охватывает всестороннюю интерпретацию дебатов как в рамках марксизма, так и (классической) социологии. Его исследование трудовых процессов связано, среди прочего, с марксистскими положениями о кризисной природе капитализма, значении классовой борьбы, установлении гегемонии правящего класса на фабрике и через фабрику, а также условиях революционной трансформации. Однако с самого начала его отношение к марксистской теоретической традиции определялось критическим подходом к некоторым ее общим предположениям. Его исследования трудовых процессов продемонстрировали неизбежную изменчивость реализации структурных особенностей способа производства. Это понимание исключало любое догматическое применение теоретических концепций, будь то в науке или в политической практике. Его видение долгосрочной перспективы предполагает осмысление трансформационной динамики капитализма.

> Дополнение Карла Маркса Карлом Поланьи

Фундаментальная трансформация капитализма с 1970-х годов, которую Майкл диагностировал как [«третью волну рыночных преобразований»](#), и коллапс «реального социализма» побудили его сместить

акцент на отношения между обществом и рынком. Это изменение лежит в основе его концептуализации социологического марксизма, опирающейся на таких различных мыслителей, как Антонио Грамши и Карл Поланьи. Для Майкла социологический марксизм является транснациональным, стремится учесть опыт деколонизации и постколониализма, объясняет патриархальную фрагментацию обществ и признает разнообразие социальных конфликтов и потенциальных форм посткапиталистического общества.

Стремление Майкла переосмыслить марксистское наследие «для нашего времени» также было основано на признании того, что оно должно отказаться от теоретических определенностей. Вместо этого необходим эгалитарный диалог между критической социальной теорией и наукой, а также преобразующей социальной практикой.

В частности, после финансового кризиса 2008 года Майкл все чаще обращался к шедевру Карла Поланьи [«Великая трансформация»](#). В своем президентском выступлении [«Facing an unequal world»](#) [Перед лицом неравного мира] на XVIII Всемирном конгрессе социологии в Японии он представил свое прочтение Поланьи для современности, а также результаты споров и дебатов о публичной социологии, то есть о задачах социологии во времена фундаментальных кризисов. Размышления о социологии стали ключевым компонентом представленного им анализа современного рыночного фундаментализма, опирающегося на идеи Поланьи. Оба подхода создали то, что он назвал «поланьевской глобальной социологией»: социологией общества, в обществе и для общества, тесно связанной с гражданским обществом и сочетающей глобальные и локальные перспективы.

> Рыночный фундаментализм как «жизненный опыт»

Вдохновленный идеями о трансформационных изменениях во многих странах, Майкл предложил

>>

“социология общества, в обществе и для общества, объединяющая глобальные и локальные перспективы”

весома оригинальную интерпретацию «Великой трансформации» Поланы. Она впечатляющим образом сочетает исторические и социологические размышления о «движениях» и «контрдвижениях» прошлых веков и современности. Одним из важнейших элементов теории рыночного фундаментализма Майкл, основанной на идеях Поланы, является комбинированный анализ трех волн рыночной трансформации на макро- и мезоуровне, а также рыночной трансформации как «жизненного опыта» людей в их повседневной жизни. С исторической точки зрения он показал, что рыночно-фундаменталистская коммодификация «фиктивных товаров», выделенных Поланы, — земли/природы, труда и денег, к которым он добавил знания — вызвала «контрдвижения» в форме борьбы за трудовые, социальные и человеческие права, будь то классовая борьба или требования правовой защиты и нормативно-правового регулирования.

Отметим, что его понимание «контрдвижений» нашего времени позволяет нам осознать, что повседневный жизненный опыт стимулирует различные формы социального протesta. Во времена рыночного фундаментализма не только коммодификация, но и процессы декоммодификации, экскоммодификации и рекоммодификации могут привести к фундаментальным проблемам, особенно для тех, кто исключен из рыночного обмена из-за безработицы или в связи с нерентабельными и поэтому игнорируемыми экологическими проблемами. Далекий от романтизации гражданского общества — особенно на фоне растущего правого популизма — Майкл рассматривает широту трудовых и социальных движений в начале XXI века как широкий спектр «контрдвижений», которые, как считал Поланы, играют центральную роль в продолжающихся преобразованиях капитализма.

> Социология общественных движений для общественных движений

Опираясь на анализ Поланы, Майкл утверждал, что коммодификация является определяющим явлением нашего времени. Эксплуатация, хотя и является основным элементом любой критики капитализма, зачастую на уровне сознания не воспринимается как таковая — эту мысль Майкл развивал еще в книге «[Производство согласия](#)». В его «общей теории» три волны рыночной экономики рассматриваются не изолированно друг от друга, а как взаимосвязанные процессы, создающиеся диалектической — возможно, даже регрессивной — динамикой.

Майкл утверждал, что в текущей фазе ведущую роль играет коммодификация природы. Он подчеркивал, что эффективное противодействие этому процессу должно возникнуть в глобальном масштабе, поскольку только на этом уровне можно значимо бороться с разрушением природы и глобальными махинациями финансового капитала. Однако такое противодействие должно преодолеть укоренившиеся geopolитические границы, национальные ограничения и краткосрочную логику, созданную рыночной экономикой.

В противовес наивному оптимизму Майкл выступал за бескомпромиссный пессимизм. Он опирался как на Поланы, так и на Маркса, сочетая концепции Поланы о фиктивных товарах и контрдвижениях с марксистским анализом динамики капитализма. Только тщательно изучив материальные силы, движущие рыночной экономикой, мы сможем понять, способствуют современные социальные движения ее усилению или откату и насколько осознаны эти процессы.

> Майкла очень не хватает

Будучи знакомыми с его социологией на протяжении многих лет, мы оглядываемся назад на долгое и плодотворное сотрудничество с Майклом. Мы благодарны за многочисленные возможности встречаться с ним, знакомиться с плодами его труда, обмениваться идеями и сотрудничать, а также за его интеллектуальную щедрость, академическую активность и зажигательное чувство юмора. Будучи приглашенным профессором нашего университета, Майкл вдохновил создание Международного Общества Карла Поланы в Австрии. Как основатель Глобального диалога, он пригласил нас принять участие в этом замечательном журнале. Можно сказать еще многое. Ушел из жизни выдающийся мыслитель нашего времени. Нам его очень не хватает. ■

Адрес для связи: <brigitte.aulenbacher@jku.at>

> Майклу Буравому: слова признательности

Нэнси Фрейзер, Новая Школа Социальных Исследований, США

Все мы были потрясены и ошеломлены известием о трагической и бессмысленной смерти Майкла Буравого. Для меня эта новость также вызвала чувство сожаления об упущеных возможностях. Я давно восхищалась интеллектуальным блеском, политической активностью и личностной теплотой Майкла. Но я упустила шанс наладить с ним прочные отношения. На самом деле, мы общались лишь эпизодически: сначала в Северо-Западном Университете в середине 1990-х годов, когда он был приглашенным профессором, а я готовилась к переходу на работу в Новую Школу; а затем на ряде конференций и семинаров, где мы обсуждали Маркса и Поланьи, Грамши и Дюбуа, стремясь прояснить перспективы демократическо-социалистических преобразований. Каждая из этих встреч была плодотворной сама по себе, но также и многообещающей с точки зрения будущих возможностей. В Северо-Западном Университете Майкл поддержал меня в трудный критический момент, что можно охарактеризовать только как акт бескорыстной, спонтанной щедрости. На конференциях он вовлекал меня в блестящие, страстные дебаты, которые подталкивали к более глубоким критическим размышлениям. Только сейчас, столкнувшись с его утратой, я понимаю, насколько он был важен для меня. И только сейчас я осознаю, как много я потеряла, не продолжив с ним более длительного диалога.

> Общее вдохновение

Разумеется, нам было о чем поговорить, учитывая, как много у нас было общего с Майклом. Конечно, он был социологом британского происхождения, изучавшим трудовые режимы на трех континентах, а я – относительно провинциальным американским философом. Но мы оба были представителями поколения бэби-бумеров и новыми левыми, которые обрели свой голос в необыкновенный момент глобального подъема освободительного движения. Исходя из этого опыта, мы оба взяли на себя обязательства разработать марксизм для «посткоммунистической» эпохи, который мог бы объединить тяжелые уроки предыдущих социалистических деформаций с незаменимыми, хотя и недостаточно разработанными, идеями новых

социальных движений. Однако сейчас меня больше всего поражает то, что мы оба нашли пищу для размышлений у одних и тех же мыслителей.

Карл Поланьи – яркий тому пример. В нем и Майкл, и я увидели мыслителя, который дополнял и обогащал Маркса. Не соглашаясь с теми, кто считал «двух Карлов» взаимными противоположностями, независимо друг от друга, мы разработали интерпретацию «Великой Трансформации» как расширенного трансмарксистского понимания капиталистического кризиса и социальной борьбы.

> Новые способы осмыслиения борьбы в капиталистических обществах

Для нас обоих предложенный Поланьи анализ фиктивной коммодификации земли, труда и денег раскрыл структурные корни капиталистических кризисов экологии, социального воспроизводства и финансов – несмотря на отдаленность первых двух от «экономики». Но формулировка этого тезиса у Майкла была уникально блестящей, вызывая в воображении Поланьи, который противостоял эссециализму и был глубоким марксистом. По словам Буравого, фиктивная коммодификация сводит землю, труд и деньги к меновой стоимости и, тем самым, уничтожает их потребительную стоимость, в том числе в качестве условий существования рынка подлинных товаров.

Для нас обоих идея Поланьи о «двойном движении», противопоставляющая сторонников экспансии рыночной экономики сторонникам социальной защиты от нее, предложила новый способ понимания борьбы в капиталистических обществах. Эти конфликты, происходящие вдали от места производства, я назвала «борьбой за границы», которая оспаривает грамматику жизни и институциональный уклад общества, а не только стремится перераспределить прибавочную стоимость. Таким образом, для Майкла и для меня фигура Поланьи послужила средством преодоления экономизма, умножив места и формы антикапиталистического активизма за пределами тех, которые были центральными для классического марксизма.

“у либеральных элит не хватает воли защищать систему, которая когда-то дала им власть”

> Расхождения в интерпретации: скептицизм против силы и потенциала

И все же было одно существенное различие. В то время как я глубоко скептически относилась к идеи Поланы об «обществе», которую я считала эссециалистской и затуманивающей нерыночное господство, Майкл оценивал ее положительно — как «активное общество». Поланьевское общество, порожденное капиталистическим развитием и, следовательно, исторически специфичное,казалось ему полным динамизма. Исполненное активистской энергией, оно предвещало новую форму социализма, при которой, якобы, саморегулирующийся рынок будет подчинен подлинно саморегулирующемуся обществу. Только сейчас, перечитав его блестящее эссе 2003 года «За социологический марксизм», я осознала силу и перспективность интерпретации Майкла.

> Сближение через работы Грамши

Как известно, в этом очерке выдвинута идея конвергенции между теоретическими взглядами Поланы и Антонио Грамши, который представляет собой второй ориентир, общий для меня и Майкла. Итальянец также утверждал центральную роль общества в условиях развитого капитализма. В отличие от Поланы, однако, Грамши рассматривал «гражданское общество» диалектически: как арену классовой борьбы и как ограничение этой борьбы. В своем специфическом проявлении в развитых капиталистических обществах гражданское общество представляет собой промежуточное пространство между экономикой и государством, место школ и церквей, судов и социальных служб, университетов и исследовательских центров, профсоюзов и профессиональных объединений, средств массовой информации и музеев. Именно здесь формируется и распространяется общественное мнение и повседневные представления; здесь буржуазный здравый смысл приобретает гегемонию и (более или менее) достигается согласие угнетенных на классовое господство. Но на этом дело не заканчивается. Гражданское общество — это также пространство оспаривания, где согласие может давать трещину и где, в принципе, может быть построена контргегемония. Являясь одновременно ареной сдерживания и противостояния, гражданское общество указывает как на относительную автономию политики от экономики, так и на укоренность политики в конкретных институциональных матрицах, классовых структурах власти и исторических конъюнктурах. Для Майкла, как и для меня, эта точка зрения была основополагающей. Мы оба широко использовали целый спектр понятий Грамши, такие как гражданское общество, расширенное

(или целостное) государство, исторический блок, кризис власти, интеррегнум, пассивная революция, субалтерность, гегемония и контргегемония, здравый смысл и разум, позиционная и маневренная войны, фордизм и «американизм».

Наши с Майклом пути впервые пересеклись из-за того, как я использовала некоторые из этих идей в одном раннем эссе. Руководствуясь в основном интуицией, я наполовину осознанно обращалась к грамшианским тропам, чтобы проанализировать «борьбу за потребности» в условиях позднего социал-демократического государства всеобщего благосостояния. Разворачиваясь в исторически специфической сфере «социального», где вопросы, прежде считавшиеся «частными», становились предметами публичного спора, эти столкновения касались не только удовлетворения потребностей, но и их интерпретации, а также тех способов управляемости, посредством которых их можно было удовлетворить и укротить в рамках государственных институтов. В этом тоже выражалась борьба за границы, но такая, которая, вопреки Поланы, представляла собой «тройное движение», включающее не две, а три противостоящие друг другу группы: радикальных активистов, выступавших за публично-политический характер «выходящих за рамки» потребностей и за их партисипаторно-демократическое разрешение; консерваторов, стремившихся вернуть эти потребности в семейные и рыночные сферы, где они ранее были деполитизированы; и прогрессивных либеральных технократов, которые пытались перевести эти потребности на административный язык и удовлетворить их бюрократическим путем. Майкл раньше и лучше, чем я, понял, насколько этот анализ сродни работам Грамши. Его размышления 2003 года о моей работе вдохновили меня начать систематическое изучение «Тюремных тетрадей» в рамках аспирантского семинара. За это я навсегда ему благодарна.

> Когда гегемонное правление становится принудительным, а не добровольным

Майкл также понимал, как много Грамши может предложить сейчас, в гораздо более мрачной исторической ситуации. В эпоху, когда доминирует трампизм (и его многочисленные аналоги по всему миру), полезно вспомнить о том, как великий итальянский коммунист противопоставлял «нормальное» функционирование гегемонного правления в развитом либерально-демократическом обществе и его патологическую политическую деволюцию в форме фашизма. Показателен комментарий Майкла к анализу Грамши. Объясняя концепцию гегемонического правления как сбалансированного сочетания согласия и силы, он напоминает нам, что

для Грамши капиталистическое государство в своей непатологической форме является «лишь внешним рвом, за которым стоит мощная система крепостей и укреплений», то есть гражданское общество. Поскольку эта «система» провозглашает согласие с классовым правлением, она уменьшает как необходимость, так и видимость применения прямой силы.

Сегодня, конечно, эти крепости и земляные укрепления подвергаются нападению — и не со стороны левых. По крайней мере, в США государство под лозунгом «Вернём Америке былое величие» (MAGA) систематически аннексирует центральные институты либерально-демократического гражданского общества. Оно уничтожает автономию образовательных, научных и культурных учреждений; независимых от государства СМИ и независимых от правительства государственных структур; частных фирм, НПО и профессиональных ассоциаций. Таким образом, разрушая «нормальные» каналы формирования согласия в буржуазном обществе, оно смещает баланс гегемонии в пользу силовых методов принуждения. Силовое государственное принуждение теперь становится все более заметной, как в виде грубой реальности, так и в виде надвигающейся угрозы. Полиция милитаризирована, протесты подавляются, а люди в масках ловят на улицах мигрантов, которые затем депортируются без суда и следствия. Страной овладевает страх. Если это и похоже на зарождающийся фашизм, то речь идет о фашизме нового типа, который порождает не призрак реального социалистического движения, а движение тех «пробужденных левых» (woke left), которые являются союзниками неолибералов и имеют мало поддержки рабочего класса.

> Как защититься от (прото-)фашизма: мобилизация идей Буравого

Где, по этой гипотезе, может сосредоточиться эффективная оппозиция? Определенно не среди либеральных элит. Вместо того чтобы организовать

координированную активную самооборону гражданского общества, лидеры этого слоя общества отказались от любой мысли о коллективных действиях и поспешили заключить частные сделки. Очевидно, им не хватает воли защищать ту самую систему, которая когда-то дала им власть. Эффективная оппозиция, если она появится, будет исходить откуда-то еще.

Может ли такая оппозиция возникнуть снизу? Может ли появиться исторический блок, возглавляемый субалтернами, который смог бы организовать убедительную оппозицию (прото)фашизму? Предположительно, главной целью такого блока будет не восстановление «непатологического» баланса сил и согласия, который «нормально» укрепляет буржуазную власть, поддерживая господство капиталистического класса. Скорее, его целью будет преодоление такой власти и господства. Но для того, чтобы такой блок был жизнеспособным, критическая масса субалтерных субъектов должна будет преодолеть пропасть токсичного неприятия, которая сейчас их разделяет — прежде всего, пропасть расовую. Возможен ли такой процесс?

Майкл мог бы многое сказать по этому поводу. То, что его голос теперь умолк, — ужасная потеря для левых. К счастью, однако, он оставил нам богатый кладезь тщательных и творческих размышлений, на которые мы можем опираться. Лучший способ почтить память этого блестящего и гуманного мыслителя — мобилизовать его идеи для прояснения современных перспектив эмансипации. ■

> Публичная социология Майкла и экономика внимания

Нгай-Линг Сум и Боб Джессоп, Ланкастерский университет, Великобритания

“Великая трансформация” Карла Поланы (Beacon Press, издание 2025 года) и “Представляя реальные утопии” [Envisioning Real Utopias] Эрика Олина Райта (Verso Books, 2010).

Эта статья – дань уважения новаторской и влиятельной идеи Майкла о «публичной социологии» и тому, как ее можно усовершенствовать для решения проблем экономики внимания и постправды в эпоху Трампа. Теоретически Майкл проводил различие между Марксом и Поланы и пытался синтезировать и расширить их подходы, особенно в отношении трех волн рыночной экономики, при изучении капитализма, коммодификации, эксплуатации и неравенства.

> Майкл, Маркс и Поланы

Майкл считал Маркса теоретиком капиталистической эксплуатации на производстве, который, в основном, занимался первой волной рыночных трансформаций. В отличие от него, Поланы был теоретиком коммодификации, который рассматривал первую и вторую волны рыночных трансформаций. Поланы описал, как рыночная экономика фиктивных товаров (рабочей силы, денег и земли), ни один из которых не производится непосредственно для продажи, хотя все они имеют цену, привела к провалу саморегулируемых рынков и побудила общество регулировать их, чтобы сохранить потребительную

стоимость таких товаров. Майкл расширил анализ Поланы, включив в него третью волну рыночной экономики, инициированную неолиберализмом 1980-х годов. Эта волна повлекла за собой коммодификацию природы и привела к деградации окружающей среды. Она также коммодифицировала знания в форме прав интеллектуальной собственности и университетской системы.

Этот синтез Маркса и Поланы продолжился в 2022 году, когда Майкл продолжил теоретические и эмпирические исследования Э. О. Райта о «реальных утопиях». Последние не отменяют действиях рынков или государства, но подчиняют их коллективной самоорганизации общества. Они возвращают общество к социализму и показывают, как, будучи движимы контрудвижениями, они объединены своим сопротивлением различным формам коммодификации. Одним из результатов таких действий, является Википедия - проект, противостоящий коммодификации знаний. В рамках социологического марксизма Майкл рассматривал публичную социологию как релевантную сферу изучения фиктивной коммодификации и общественной реакции на нее.

> Экономика внимания и постправда в эпоху Трампа

Майкл в последнем интервью перед своей трагической кончиной в 2025 году подчеркнул значимость эпохи Трампа. Ее можно рассматривать как последний этап третьей волны рыночной экономики, особенно в плане коммерциализации внимания. На этом этапе знания, основанные на данных о поведении, генерируются из социальных сетей пользователей с помощью игровых элементов (например, викторин, партнерства с инфлюенсерами, виртуальной валюты, эксклюзивных систем баллов, социальных сетей и т. д.) и гиперболических дискурсов/изображений. Эти методы подталкивания удерживают пользователей в экономике внимания. С критической точки зрения, внимание человека становится дефицитным ресурсом, который можно коммерциализировать для получения меновой стоимости. Компании конкурируют за привлечение, захват, фильтрацию и монетизацию данных и внимания. Такая коммодификация в экономике внимания опосредуется титанами социальных сетей из Кремниевой долины (например, Цукербергом из *Meta*). Эти игроки собирают данные на своих платформах, сопоставляют их в своих data-центрах и владеют ключами к алгоритмам и игровым/убеждающим техникам, направленным на удержание внимания людей на своих веб-сайтах. Они также предоставляют пользователям некоторые медийные или социально-экономические продукты (например, цифровые подарки, видео, новостные ленты, сети), чтобы привлечь их и повлиять на их мнение, а также, возможно, сформировать экономические и политические результаты событий.

В этом отношении внимание людей генерирует меновую стоимость, поскольку оно является одновременно ресурсом и валютой. Как ресурс, оно становится важным для стимулирования продаж и оказания влияния. Как валюта, когнитивное, эмоциональное и аффективное внимание пользователей может быть обменено на определенные подарки и технологические услуги (например, билеты на виртуальные мероприятия, социальное взаимодействие, поиск в Интернете) и, в свою очередь, передает некоторый контроль над этим самым вниманием (например, воздействие рекламы и «фастфудных» политических твитов) инфлюэнсерам и торговцам вниманием. Последние получают меновую стоимость, перепродаюая этот контроль рекламодателям, которые платят в зависимости от того, сколько внимания было привлечено (например, как долго и как внимательно пользователи смотрят рекламу). Аналогичным образом, инфлюэнсеры привлекают внимание клиентов с помощью *Instagram*, *TikTok*, сообщений *X* и твитов и стремятся монетизировать свое экономическое и политическое влияние.

Экономика внимания меняет также политику и общество. Трамп олицетворяет жадную до внимания знаменитость эпохи пост-правды, которая создала бренд «Трамп» и теперь использует его как политику. Он привлекает внимание через социальные сети (например, *Fox News*, *X* и *Truth Social*) как алгоритмические

устройства фильтрации и «эхо-камеры» для связи политических единомышленников и групп. Это позволяет ему карикатурно изображать своих оппонентов и использовать возбуждающие толпу лозунги и слоганы (например, «Вернем Америке былое величие»), которые быстро воздействуют на эмоции (например, надежды, страхи и тревоги) его популистской социальной базы. Другие политики вынуждены реагировать на его упрощенные мемы и театральный стиль, что позволяет ему формировать дискурсивные, эмоциональные и политические пространства. Такая перестройка политической коммуникации в эпоху внимания затрагивает индивидуальные и социальные когнитивные процессы (и эмоции) и поляризует общество по новым основаниям.

> Публичная социология и постдисциплинарность Майкла

Как будто отвечая на призыв Майкла к публичной социологии, эти события создают крайне благодатную почву для практических контрдвижений на глобальном уровне третьей волны рыночной экономики постправды и экономики внимания. Реальные утопии являются здесь связующим звеном между Марксом и Поланьи, поскольку они обеспечивают сопротивление на низовом уровне, которое оспаривает коммодификацию внимания и познания, хотя, конечно, не всегда в глобальном масштабе. Примерами таких действий на низовом уровне являются «активизм внимания» децентрализованных платформ и «убежища внимания» цифровой детоксикации на местном уровне, которые могут приобретать (транс-)национальные масштабы. Помимо вопроса масштаба, коммодификация внимания охватывает микропроблемы человеческого познания, чувств и эмоций, а также макро-институциональные и вычислительные основы внимания как ресурса, валюты и средства манипуляции, осуществляемого с помощью контроля над информацией о поведении.

Эти изменения могут потребовать от нас радикального расширения социологического воображения. Связанные с этими контрдвижениями общественные группы могут даже представить себе необходимость повторной мобилизации общественной, политической, критической и профессиональной социологии, а также объединения предметных областей постдисциплинарными способами для расширения наших академических и общественно значимых знаний. Это предполагает выход за рамки социологии и сосредоточение внимания на идеях и связях, вытекающих из критической психологии, педагогических и образовательных исследований, вычислительной науки, медиа-исследований, дискурс-анализа, неортодоксальной экономики и (международной) политической экономии. Цель состоит в том, чтобы справиться с этой суперволной рыночной ориентации внимания и познания, усилить эпистемологическую рефлексивность в отношении «реальных утопий» и способствовать большей институционально-агентной перформативности новых контрдвижений на разных уровнях и в разных масштабах. ■

Адреса для связи <n.sum@lancaster.ac.uk>, <b.jessop@lancaster.ac.uk>

> Майкл Буравой без границ

Хайди Готфрид, Уэйнский государственный университет, США

Курс Майкла по этнографии в Университете Висконсина вдохновил меня на первые исследования, где я интегрировала феминизм с микроосновами грамшианского марксизма (см. [«Гибкость как способ регулирования в сфере временных услуг»](#)). Его вдохновение вышло далеко за рамки чисто теоретического, предоставив практическую поддержку моему первому этнографическому исследованию. Работая из дома, Майкл стал моим диспетчером, передавая информацию о вакансиях агентства по временному труду. Мой вклад в этот специальный выпуск основан на личных воспоминаниях, а также на критическом отношении к его работам, посвященным *Тюремным тетрадям* Антонио Грамши и, позднее, идеям Карла Поланьи.

> Этнографический поворот

В связи с этими работами стоит процитировать размышления Буравого о Дональде Рое, «социологе и трудолюбивом человеке», высказанные на симпозиуме, посвященном 20-летию книги «Производство согласия». Майкл начал свою ответную речь с непочтительного утверждения, что «мы должны воскресить наших предков, но возвышать их, ставить на пьедестал — значит заморозить их во времени и упустить то, что делает их значимыми для настоящего». Его пророческие заключительные слова в этом эссе точно отражают позицию Майкла, наставника, активиста, ученого: «Он начинал как социолог промышленного труда, но в итоге применил свои идеи на практике, исследуя новые подходы к работе социолога».

Наследие Майкла не ограничивается его теоретическим вкладом. Сочетая глубокое исследование повседневной жизни Чикагской школы с материалистической традицией западного марксизма, «Производство согласия» предвосхитило и помогло положить начало этнографическому повороту в марксизме. Позже, в книгах «Глобальная этнография» и «Этнография без границ», Буравой и его соавторы обосновали искусственную практику этнографии в локальной истории, начиная от изучения социальных служб в Венгрии до бездомных на улицах Сан-Франциско, разработчиков программного обеспечения в Ирландии и медсестер, переехавших из Кералы (Индия) в Централ-Сити (США). Феминистские социологи использовали микрополитическую перспективу Буравого в новаторских исследованиях

эмоционального труда, маскулинности и феминности, (воспроизводимых) на фабрике, в офисе и в сфере обслуживания.

И «Этнография без границ», и «Глобальная этнография» представляют собой звенья генеалогической цепи, берущей начало в Чикаго и Манчестерском университете. «Глобальная этнография» переосмысливает значение «поля», подчеркивая кажущийся парадокс глобальности этнографии — методологии, предназначеннной для изучения локального, — тем самым освобождая этнографию от ограничений одного времени и места. Затем Буравой увлекает читателей в головокружительное теоретическое путешествие по работам Джеймсона, Кастеллса, Харви и Гидденса в поисках адекватной теории глобализации. При этом он выявляет общие темы, иллюстрируя глобализацию с точки зрения перекомпоновки времени и пространства посредством смещения, сжатия, дистанцирования и растворения. Из этих тематических осколков Буравой складывает теорию глобальной этнографии.

> Социологический(е) марксизм(ы)

Неукротимая интеллектуальная любознательность привела Майкла к изучению трудов крупнейших социальных теоретиков, что позволило ему получить новые знания, которые обновили социологический марксизм для нашего времени. [«История двух марксизмов»](#) повторяет темы, разработанные в прямом противопоставлении Грамши и Поланьи. Хотя Грамши и Поланьи сходятся в своих ответах на противоречия и аномалии, возникающие в определенных исторических условиях, дальнейшее погружение в тему выявляет разные акценты этих двух светил и их ограничения. Буравой привлекает Симону де Бовуар и Нэнси Фрейзер в качестве главных героев семейной драмы, признавая теоретический недостаток, который он не может полностью преодолеть в своей собственной работе. Он критикует как Грамши, так и Поланьи за недостаточное внимание к внутренней организации семьи, когда речь заходит о понимании политики описанных ими обществ. Так, в своем знаковом эссе «Американизм и фордизм» Грамши связывает функцию моногамных семей с управлением фордистским производством, в то время как Поланьи рассматривает семью как возможный бастион противостояния разрушительной силе рынка и коммерциализации труда. Однако феминизм Майкла

“обновленный социологический марксизм для нашего времени”

останавливается на пороге семьи из-за его слабого теоретического понимания связи гендерных структур с классом.

> Феминистский стержень

Вдохновленная Буравым, более сильная феминистская политическая экономия переходит от микрооснов к макроструктурам, чтобы теоретизировать неолиберализацию работы по уходу. Переосмысление Поланы через феминистскую призму основывается на понимании того, что репродуктивный труд является фиктивным товаром и противодействием рыночной ориентации ухода. Работа по уходу во многих сферах была присвоена рынками. Растущая коммерциализация интимности вводит в рынок все больше аспектов повседневной жизни и социальных отношений, где они попадают в оборот капитала. Капиталистическое воспроизводство включает в себя сложную смесь оплачиваемого (коммерциализированного) и неоплачиваемого (некоммерциализированного) репродуктивного труда, необходимого для обеспечения жизнедеятельности. Неоплачиваемый труд — это лишь один из вкладов в производство в домашнем хозяйстве, которое также зависит от товаров, приобретаемых на деньги, заработанные на оплачиваемом труде; оба эти вида труда необходимы для выживания домашнего хозяйства в условиях капитализма. Однако существует противоречие между стремлением капитала извлекать прибыль из коммерциализированной репродуктивной деятельности и компенсирующими выгодами некоммерциализированного труда, покрывающего расходы на воспроизводство патриархальных и расовых капиталистических социальных отношений. Классовые различия (пересекающиеся

с гендерным и миграционным статусом) лежат в основе динамики некоммерциализированного и коммерциализированного домашнего труда. Форма широкой приватизации и коммерциализации репродуктивной деятельности зависит от класса, который часто соответствует расовой позиции. Домохозяйства с более низким доходом полагаются на неформальный, некоммерческий труд, в то время как домохозяйства с более высоким доходом могут позволить себе рыночные услуги и более непосредственно извлекают выгоду из налоговых льгот и денежных выплат, что почти всегда означает высокую коммерциализацию труда. В этой исторической ситуации контртегемонные движения переосмысливают социальную организацию ухода и репродуктивного труда.

> Прочное наследие

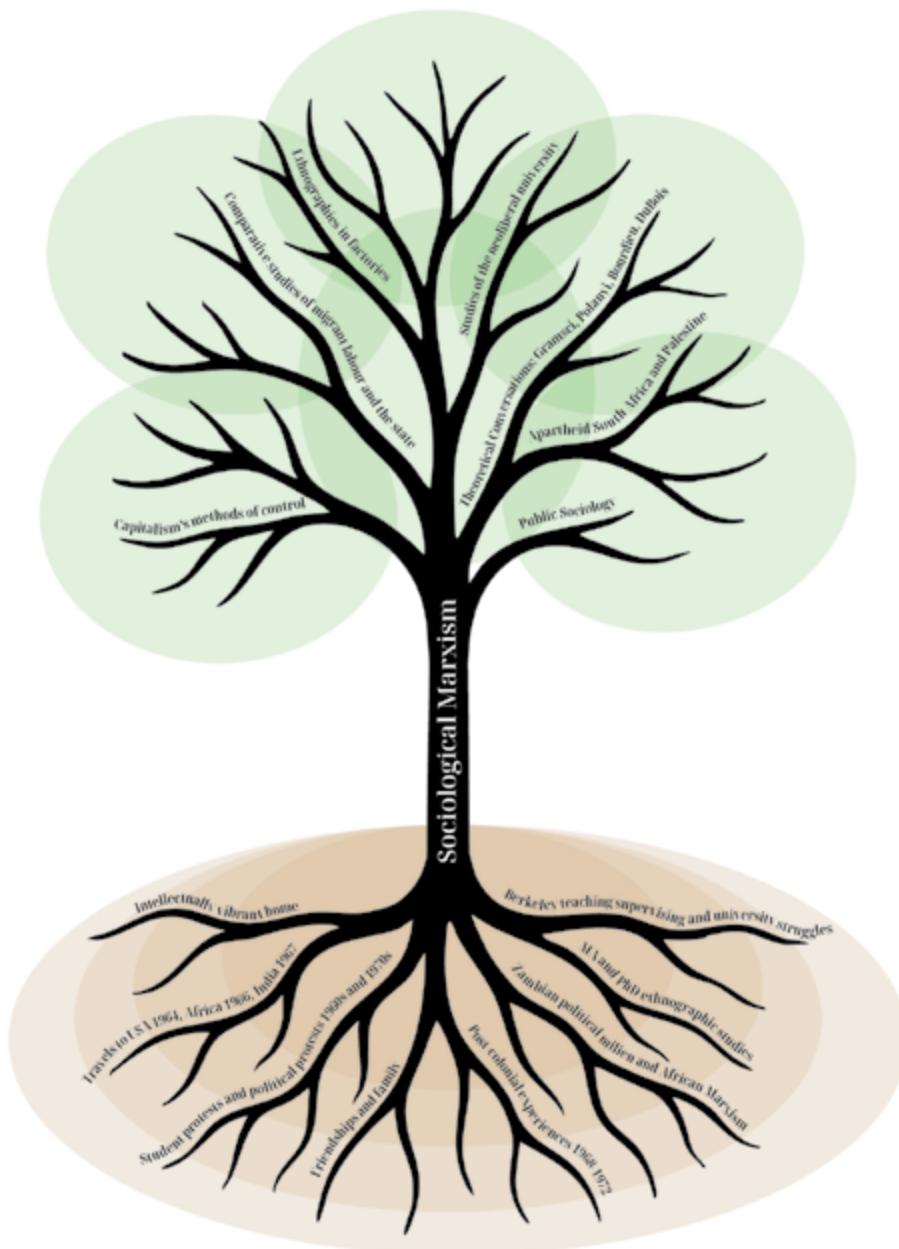
Эта краткая интеллектуальная биография написана в политической среде, где бродит призрак авторитаризма. Научный марксизм Буравого, пронизанный идеями Грамши, Поланы и феминистской мысли, предполагает критическую позицию, необходимую для формирования «реальных» утопий, о которых мечтал его друг и товарищ Эрик Олин Райт. На протяжении всего профессионального пути, от Медного Пояса Замбии и машиностроительного завода в Чикаго до недавних призывов к социологам высказаться по поводу Палестины, Майкл призывается обратиться к историческим интерпретациям, раскрывающим связи между теми поворотами в прошлом, которые указывают на возможное будущее.■

Адрес для связи: <Heidi.gottfried@wayne.edu>

> Дерево социологического марксизма Майкла Буравого

Мишель Уильямс, Университет Витуотерсранда, Южная Африка

Дерево социологического марксизма
Буравого. Рисунок Мишель Уильямс.

Невтомимый дух и исключительный ум Майкла Буравого покинули нас 3 февраля 2025 года. Жестокий акт насилия со стороны водителя, скрывшегося с места ДТП в Окленде, Калифорния, положил конец жизни легендарного ученого. Майкл был моим научным руководителем в магистратуре и докторантуре с 1995 по 2005 год. После того как я уехала из Беркли и переехала в Южную Африку, Майкл регулярно навещал меня и с годами стал очень близким другом и оставался

моим наставником на протяжении всего времени. Он был одним из моих самых ярых критиков и самых верных союзников. Хотя я попытала обозначить вклад Майкла в социологию и марксизм на протяжении его плодотворной жизни, мои суждения, без сомнения, предвзяты, и то, что я пишу, отражает пристрастность ученицы и подруги, которая так многому научилась у своего наставника. Майкл всегда находил способы улучшить мои тексты, которые я давала ему читать, и я уверена, что эта статья не

>>

исключение, хотя я надеюсь, что его бы позабавило мое «дерево социологического марксизма Буравого».

> Корни дерева

Майкл Буравой был редким типом ученого, который на протяжении всей своей жизни оставался преданным как социологии, так и марксизму. Он применил свой выдающийся интеллект в обеих областях и нашел способ объединить их невероятно продуктивным и инновационным образом. Его приверженность обеим областям отчасти объясняется его личной биографией. Он пришел к социологии и марксизму через жизненный опыт, который сформировал его чувство справедливости и увлечения социальным миром. Его родители были русскими евреями, которые в 1920-х годах покинули Россию и переехали в Германию, где получили докторские степени по химии, но затем в 1930-х годах с приходом к власти Гитлера уехали из Германии в Англию. Дом его родителей был местом интеллектуальной активности и политической ангажированности. Летом 1964 года Буравой переплыл Атлантический океан на норвежском грузовом судне и провел лето, путешествуя по США и продавая книги для нью-йоркского книготорговца. Страна бурлила социальной энергией движения за свободу слова, движения за гражданские права, протестов против войны во Вьетнаме и городских восстаний. Для семнадцатилетнего юноши эта поездка заложила начало социологического воображения, которое нашло свое воплощение в последующие несколько лет во время его путешествий по Индии на поездах третьего класса и автостопом по Африке.

После окончания Кембриджского университета с дипломом по математике Буравой устроился журналистом в Йоханнесбурге (Южная Африка), а через шесть месяцев переехал в недавно обретшую независимость Замбию, где работал в отделе кадров крупной многонациональной компании, занимавшейся добычей меди. Подобно социальной активности, которую он наблюдал летом 1964 года в США, южная Африка была наполнена политической борьбой против апартеида и антиколониальными выступлениями. Именно в Замбии Буравой познакомился с марксизмом, постколониальной динамикой и обнаружил взаимосвязями между классом и расой. Его путь в социологию и марксизм окончательно определился, когда он поступил на магистерскую программу по социологии в Университете Замбии. Кафедра социологии, состоявшая из трех человек, познакомила Буравого с марксизмом, методом развернутого изучения случая, этнографией и понятиями расы, касты и класса. Он понял силу социологии и социальной теории в понимании мира. Его любовь к социологии укрепилась! Для Буравого социология в сочетании с марксизмом предоставила мощные инструменты понимания мира и заложила основу его изменения к лучшему. Действительно, именно благодаря своему личному путешествию по открытию мира он развел свою непоколебимую верность как социологии, так и марксизму. Совместив социологию с марксизмом, он нашел новую почву в социологическом марксизме — ветви недоктринального марксизма, которая ставила общество на один уровень с государством и экономикой. Он никогда не отклонялся от этого курса и не терпел модных риторических поз, часто встречающихся в академических кругах.

В течение следующих 50 лет Буравой стал одним из самых значимых социологов своего поколения. Он был многим: легендарным учителем, преданным наставником, отзывчивым другом и коллегой, недоктринальным марксистом и выдающимся ученым.

> Ствол дерева

Буравой был энтузиастом, даже евангелистом, социологии и блестящим марксистом, охваченным стремлением к освободительному будущему. Он видел роль социологии в том, чтобы сделать видимым невидимое, а роль марксизма — в том, чтобы предоставить инструменты для понимания социальных сил, лежащих в основе невидимого. Буравой был таким новатором потому, что задавал обычные вопросы необычным образом. Например, работая на медных рудниках Замбии, вместо того чтобы смотреть на то, как рабочие реагировали на освобождение от колониального господства, он сосредоточился на реакции руководства, что привело его к открытию восходящей цветовой барьерной линии, когда руководящие посты на производстве стали занимать африканцы. Еще одним примером его необычного подхода стала этнография чикагской фабрики, где вместо того, чтобы искать сопротивление капитализму, он задавал вопросы о том, почему рабочие работают так усердно, стремясь лучше освоить капитализм и его методы контроля.

Буравой понимал, что пока существует капитализм, будет существовать и марксизм. Как и капитализм, который эволюционирует со временем, марксизм также должен перестраиваться, чтобы отображать проблемы современности. Для Буравого это нашло конкретное воплощение в его социологическом марксизме. Опираясь на Грамши и Поланы, марксизм Буравого рассматривал исторически специфические представления об обществе, чтобы понять долговечность капитализма, а также внекапиталистические пространства надежды. Его этнографический метод сделал видимыми микроосновы капитализма, а его метод развернутого изучения случая углубил эти исследования микропроцессов с помощью макросоциологии. Таким образом, он привнес в марксизм историческую специфику, которая помогла разработать динамичную марксистскую теоретическую традицию, а в социологию — выработанный в Замбии антропологический метод, который подчеркивал важность микросоциологических исследований для построения социальной теории. Для Буравого понимание «общества» и его роли при капитализме было стержнем как социологии, так и марксизма. В своей статье 2003 года «Социологический марксизм» он объясняет, что «общество» занимает институциональное пространство между экономикой и обществом. Опираясь на грамшианскую трактовку гражданского общества, пронизывающим государство, и «активное общество» Поланы, пронизывающее рынок, он утверждал, что социализм требует подчинения рынка и государства обществу.

> Ветви дерева

Буравой переосмыслил марксизм сначала через свои исследования трудовых режимов и этнографии рабочих мест, а затем обратившись к изучению гражданского

общества и движений, возникших в условиях развитого капитализма. Это изменение знаменует переход от рабочего класса и места производства к гражданскому обществу как ключу преодоления капитализма. Первый этап социологического марксизма Буравого, сосредоточенный на рабочем месте, также был связан с его этнографическим методом расширенного исследования кейса. Работая на заводе бок о бок с другими рабочими, он увидел, как капитализм формирует согласие на производстве, постоянно адаптируясь к меняющимся условиям. На основе ряда сравнений рабочих мест на медных рудниках Замбии, среди мигрантов в Калифорнии и в Южной Африке, а также на заводах в Чикаго и Венгрии Буравой разработал «живой» марксизм, который помог пролить свет на постоянно меняющуюся динамику капитализма на уровне микро-условий производства.

После серии неудачных этнографических исследований в России в конце 1980-х и начале 1990-х годов Буравой столкнулся с проблематикой дегенеративного развития социализма в капитализм, а не эволюции капитализма в социализм. Падение Советского Союза стало поворотным моментом для Буравого, когда он отказался от своих заводских инструментов и перешел от этнографических методов к теоретическому изучению марксизма. Он начал с осмыслиения социологического марксизма и глубоко увлекся проектом «реальных утопий» Эрика Олина Райта. Затем он перешел к сопоставлению марксизма с рядом работ других ученых: Грамши, Поланьи, Бурдье и Дюбуа. С подъемом неолиберализма и появлением нового поколения сопротивления Буравой осознал важность борьбы за пределами производственных помещений. Таким образом, его теоретические изыскания также озnamеновали переход от места производства к гражданскому обществу как важному месту появления новых исторических субъектов. Майкл Левиен (в своей статье 2025 года «Майкл Буравой: социологический марксист») высказывает схожую точку зрения, показывая, что теоретические интервенции привели Буравого к интересным ответлениям, реконструирующими марксизм. В это время он разработал свое «Дерево марксизма» с Марксом и Энгельсом в качестве ствола дерева, из которого выросло несколько ветвей: немецкий, советский, западный и марксизм третьего мира; Бакунин и анархический синдикализм; и социал-демократия. Он использовал метафору дерева, чтобы показать эволюцию марксизма, а также то, как некоторые ветви увядают, а другие растут.

По мере того, как он поднимался на вершину социологической дисциплины, сначала в качестве декана социологического факультета Беркли, затем президента Американской Социологической Ассоциации, а затем в качестве президента Международной Социологической Ассоциации, Буравой также сместил фокус внимания, обратившись к анализу неолиберального университета и, более конкретно, к производству социологического знания. Влияние Южной Африки на Буравого озnamеновало этот сдвиг, обратив его внимание к проблематике публичной социологии. Во время регулярных визитов в Южную Африку в 1990-х и 2000-х годах Буравой столкнулся с новой живой социологией, глубоко вовлеченной в окружающее общество. Сопоставление с социологией в странах Северного полушария привело его к разработке схематического

представления четырех типов социологии: публичной, критической, профессиональной и политической. Для Буравого публичная социология была наиболее важной и центральной для социальных преобразований. Он позиционировал публичную социологию как важнейший оплот для вовлечения гражданского общества в борьбу с набирающим силу неолиберализмом (тем, что Буравой называл «третьей волной рыночных преобразований») и признания важности национального государства. Он также призывал к развитию глобальной социологии, которая была бы основана на местных реалиях, но при этом указывала на глобальные тенденции.

> Дерево социологического марксизма Буравого

Необыкновенный интеллектуальный путь Буравого, пожалуй, лучше всего можно описать с помощью образа дерева. Подобно его дереву марксизма, он вырастил социологические и марксистские корни из внушительного корпуса работ по социологическому марксизму. Для Буравого корни его дерева — это интеллектуально насыщенный дом его детства, ранние годы путешествий за границей, знакомство с постколониальными обществами, социология ангажированности и африканский марксизм в Замбии, студенческие и политические протесты, образование как средство преобразования, этнография и метод развернутого изучения случая, сравнительные исследования, сила социальной теории и понимание сил капитализма. Корни превратились в ствол социологического марксизма. Из ствола выросли крепкие ветви, состоящие из исследований микро-сил на фабриках в Замбии, Чикаго и Венгрии, мигрантского труда и государства, теоретических дискуссий с Грамши, Поланьи, Бурдье и Дюбуа, исследований неолиберального университета, сравнительного анализа апартеида в Южной Африке и Палестине, а также публичной социологии (см. диаграмму).

Буравой рассматривал марксизм не как фиксированную парадигму, а как развивающуюся теоретическую традицию, которая помогает пролить свет на конкретные исследования функционирования капитализма и его методов контроля. Таким образом, социологический марксизм оживает как постоянно растущее и разветвленное дерево, из которого постоянно прорастают новые идеи, а аналитические подходы прошлого «пересматриваются» и переделываются.

Хотя я попыталась описать в этой короткой статье необычайный вклад Буравого в социологический марксизм, я лишь коснулась поверхности. Из его плодотворных трудов можно почерпнуть гораздо больше. А тем из нас, кому посчастливилось быть его студентами и коллегами, его выдающееся преподавание, наставничество и руководство оставили вдохновляющее пособие и невероятный объем работ, на которые можно опираться. ■

Особая благодарность Джоанн Моррисон за помощь с диаграммой-деревом, а также Вишвасу Сатгару и Питеру Эвансу за комментарии к этой статье.

Адрес для связи: <michelle.williams@wits.ac.za>

> Майкл Буравой – компас социологии нашего времени

Джеффри Плейерс, FNRS и Католический Университет Лувана (Бельгия), президент МСА (2023-27)

Майкл Буравой 20 августа 2024 в Порту, Португалия. Фото Джеффри Плейерса.

Майкл Буравой внезапно ушел из жизни 3 февраля 2025 года.

Международная Социологическая Ассоциация (МСА) глубоко скорбит по поводу кончины одного из наиболее влиятельных и вдохновенных своих президентов, оплакивает замечательного креативного социолога, защитника публичной социологии, релевантной интересам людей и гражданского общества, вдохновенного педагога, воспитавшего несколько поколений социологов, и прекрасного человека.

Майкл Буравой родился в 1947 году, сначала он изучал математику, но как-то совершенно случайно в библиотеке Крайст-Коледжа в Кембридже он наткнулся на книгу по социологии. Он получил магистерскую степень в университете Замбии в 1972, проводя в то

время исследование на медном руднике. Затем он поступил в Чикагский Университет, где получил степень PhD за диссертацию, посвященную промышленным рабочим Чикаго, которая затем была опубликована под названием *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism* [Производство согласия: изменение трудового процесса в условиях монополистического капитализма] (Chicago University Press, 1979). В дальнейшем он проводил развернутые полевые исследования по этой теме на предприятиях Венгрии и постсоветской России.

Поскольку капитализм и эксплуатация все в большей степени опираются на коммодификацию знания, он анализировал воздействие неолиберальной политики в сфере высшего образования и связь производства знания с ростом могущества рынка и государства. Он выступал защитником публичной социологии, целью которой является производство знания, релевантного гражданам, общественным движениям и гражданскому обществу.

Оставаясь на позиции профессора социологии в университете Беркли в течение 47 лет, он оставил неизгладимый след в памяти многих поколений студентов. Путешествуя по всему миру, он построил сообщество социологов, преданных пониманию исследований и социального анализа как научной деятельности, ориентированной на понимание мира и выработку инструментов его изменения. В 2022 году он получил степень почетного доктора Университета Йоханнесбурга, а в 2024 году награду У.Э.Б. Дюбуа (учрежденную МСА) за выдающийся вклад в развитие социологической науки.

Он оказал долгосрочное влияние на наше понимание социологической науки и ее роль в обществе. Его работа демонстрирует, как методологически строгое эмпирическое исследование может обогащать и питать теоретические дебаты и наоборот. Интегрируя местные, национальные и глобальные подходы, он предложил всесторонний анализ производства социального знания, который находит отклик в различных дисциплинах и становится почвой для публичных и политических дискуссий. Майкл стремился к тому, чтобы «эмпирическое исследование вносило вклад в развитие теоретических подходов». Он так же серьезно относился к этнографии, как и к теории. Он анализировал как акторов, так и структуры общества, опираясь на марксистский подход, который он подвергал ревизии и развитию. На всем протяжении

своего профессионального пути – от медных рудников Замбии до содействия признанию основополагающей роли У.Е.Б. Дюбуа как основателя американской и глобальной социологии, в борьбе за защиту публичного образования, открытого для студентов, принадлежащих к самых разным слоям общества, он выступал против расовой несправедливости и анализировал ее механизмы. Он страстно увлекался книгами и людьми, теми людьми, которых встречал в полевой работе, в аудитории, в научном сообществе и в жизни – в тех четырех сферах, которые никогда не разделялись в жизни и работе Майкла. Он был щедрым человеком, щедрым учителем и ученым.

Майкл был нашим компасом, он напоминал нам, почему в наше время социология имеет значение и почему имеет смысл посвящать столько времени и энергии преподаванию социологии и проведению социологических исследований. «Социология помогает студентам понять коллективное устройство общества, роль расы, класса и гендера. Социология представляет собой научное изучение неравенства и порожденного им угнетения. Социология изучает те самые исключения, которые поддерживают консервативные силы. Однако мы изучаем различные формы исключения не для того, чтобы содействовать их закреплению, а чтобы признать их существование, сделать их публичными и лучше понять, как можно им противостоять и обратить их вспять». (Майами, 10 марта 2024 г.).

Майкл покинул нас в то время, когда нам особенно важны его лидерство, его энергия и неустанные работы, помогающие нам постичь этот мир, его пример как выдающегося учителя, его вера в релевантность публичной социологии, его открытость истинно глобальному диалогу, его научная строгость и глубина анализа, основанные на длительной многомесячной этнографической работе на промышленных предприятиях, его поиски социальной и эпистемологической справедливости, его неутомимая борьба за мир и справедливость в Палестине и в других частях мира, его уникальные энергия, энтузиазм и преданность профессии.

Лидерство Майкла, его преданность делу и страстная убежденность оказали большое влияние на МСА и глобальное социологическое сообщество. Он стал основателем [Глобального Диалога](#), электронного журнала

МСА, который в этом году отмечает свое пятнадцатилетие. Этот проект стремится «стимулировать международные социологические дебаты и дискуссии о современных проблемах общества». В бытность вице-президентом МСА по работе с национальными социологическими ассоциациями (2006-2010), а затем президентом МСА (2010-2014), Буравой путешествовал по всему миру и делился с коллегами своим энтузиазмом в продвижении критической и публичной социологии, релевантной для нашего времени. Его аналитическая работа и убежденность вдохновили тысячи социологов, которые были свидетелями его доброты, щедрости и целеустремленности.

Он внезапно покинул глобальное сообщество социологов, и мы переживаем невосполнимую и неожиданную утрату. После первых онлайн откликов, [посвященных его жизни и наследию](#), опубликованных в субботу 8 февраля, МСА организовала несколько мемориальных событий – встречи исполнкома МСА в Йоханнесбурге в марте 2025 года и на Форуме МСА в Рабате (Марокко, 6 – 11 июля), а также памятные мероприятия, организованные исследовательскими комитетами, рабочими и тематическими группами МСА.

Работа Майкла Буравого и в будущем будут формировать представления социологов о мире и понимание своей профессиональной роли. Мы приглашаем вас еще раз послушать [президентскую речь](#), произнесенную Майклом в 2014 году на Всемирном Социологическом Конгрессе в Йокогаме, в которой он сформулировал свое видение социологии, глобального диалога и справедливости. Мы обеспечим открытый доступ к [публикации этой речи](#) и другим его текстам в журнале [Current Sociology](#).

Майкл не только оставил нам свои замечательные труды. Он посвятил свою энергию строительству пространств и инструментов, объединяющих социологов во всем мире. Одним из полей применения его усилий стала МСА. Только совместными усилиями мы можем поддерживать и развивать его наследие, воодушевленное убежденностью в том, что социология и в самом деле имеет значение в эти проблемные времена. ■

Адрес для связи: <Geoffrey.Pleyers@uclouvain.be>

> Майкл Буравой: социология как призвание

Назанин Шахрокни, Университет Саймона Фрейзера, Канада

Майкл Буравой был не просто социологом, он был строителем социологии, и это находило выражение не только в его теоретических построениях, но и в институциях, которые он формировал, отношениях, которые он поддерживал, и глобальных формах солидарности, о которых он мечтал. Он трансформировал дисциплину в рефлексивное практически ориентированного поля, которое осмысливает власть, сдвигает маргиналии к центру, и наводит мосты между критикой, воображением, теорией и действием.

Именно так понимая его вклад в социальное знание, я размышляю о работах Майкла и освещая его воздействие на дисциплину, методологию, педагогику и глобальные проявления.

> Живая социология: воплощенная практика, рефлексивный метод

Для Майкла социология была не просто теоретической ориентацией, она была жизненной практикой, основанной на движении, борьбе и историческом сознании. Его последняя книга *Public Sociology: Between Utopia and Anti-Utopia* [Публичная социология: между утопией и антиутопией] синтезирует десятилетия размышлений о двойном императиве социологии: преданности критике существующих условий и развитию воображения об альтернативных социальных формах. Майкл сформулировал точный смысл этих противоречивых импульсов. В его представлении утопия не является образом совершенного общества, а представляет собой диалогичное и коллективное воображение альтернатив, необходимое для поддержания критической мысли. Он предупреждает: «Без утопии социология становится зеркалом отчаяния». Антиутопия, напротив, рассматривается им как продукт разочарования и выражение необходимого скептицизма, который укрощает наивный оптимизм. Майкл утверждает, что социология живет в напряжении между этими полюсами: между стремлением к трансформации и признанием того, что ей препятствует. Он разрабатывает социологию как призвание, которое имеет дело с этим напряжением — между тем, что существует и тем, что могло бы осуществиться.

В центре проекта, который разрабатывает Майкл, находится критика самой дисциплины, постоянные усилия, направленные на переделку социологии

изнутри. Он проблематизировал европоцентризм социологического знания, его закрытые каноны, воспроизводство привилегий в социологическом знании. Хотя сам он находится в самом центре поля академического престижа, он постоянно децентрирует свою позицию, продвигая идеи Дюбуа, феминистскую мысль, эпистемологии Глобального Юга. Он принимает решение освоить маргинальные течения социального знания, постоянно продвигаясь дальше и глубже — в общества, к рабочим местам и жизни тех, кто испытывает прекарность.

В известном [президентском послании АСА](#) (2004) он выделил 4 типа социологии: профессиональную, прикладную, критическую и публичную. Они не являются отдельными слотами, но рассматриваются как интегрированная диалектическая практика. Для него публичная социология является не слабым придатком дисциплины, а ее совестью. Он делает социологию подотчетной и настаивает на том, чтобы мы задавались вопросами о том, для кого мы производим знание и для чего мы это делаем. Призыва к развитию публичной социологии, он выступает за реконфигурацию самих оснований того, что считается знанием. Он часто говорил, что публичная социология — это не популяризация знания, а диалог, который трансформирует всех его участников.

Такое видение профессии оказало влияние на то, как Майкл участвовал в жизни общественных движений. Он практиковал то, что теоретизировал. Он спокойно перемещался между университетскими аудиториями и заслонами пикетчиков, между собраниями МСА и заводскими цехами. Работа Майкла размывала границы между научной деятельностью и активизмом. Мы это видим на примере профсоюзов Южной Африки и Замбии, движения против апартеида, движения *Oscipyre Oakland*, организации студенчества и акций солидарности с Палестиной.

Такое трансформативное видение социологии было неотделимо от его методологического выбора. Для интеллектуального наследия Майкла центральной является методология развернутого исследования случая: исследовательский подход, который не стремится к внешней генерализации выводов в обычном дедуктивном смысле. Напротив, он разворачивается, отталкиваясь от противоречий, обнаруженных в повседневной жизни, к пониманию более широких социальных структур, которые

“Майкл был убежден, что теория должна строиться снизу, в диалоге с живой реальностью”

лежат в их основе. Для Майкла рефлексивность — это не конфессия, а теория познания.

Приверженность этой методологии нашла дальнейшее выражение в одном из наиболее продолжительных колаборативных проектов, организованных Майклом в сотрудничестве с девятью аспирантами — проекте «Глобальная этнография». Эта книга вводит в оборот понятие почвенной глобализации (*grounded globalization*), обозначающее метод понимания глобальных процессов не на основе абстрактных моделей или макропотоков, а с помощью отслеживания действия глобальных сил в конкретных локальных опытах. Оба эти подхода — развернутое изучение случая и почвенная глобализация — отражают убеждение Майкла в том, что теория должна строиться снизу, в диалоге с живой реальностью, с учетом структурных условий, которые делают возможным создание знания.

> Преподавание социологии, практики диалога

Для Майкла преподавание не было вторичным по отношению к исследованию: оно было основанием трансформирующей социологии. Он часто отрицал представление о том, что педагогика имеет нейтральный характер. Преподавание, как и исследование, находится в рамках более широких структур власти; это касается, прежде всего неолиберального университета. В тексте *“Laboring in the Extractive University”* [Работая в экстрактивном университете], он показал, что университет является местом эксплуатации, где студенты и преподаватели часто испытывают отчуждение от процесса обучения. И все же он признавал потенциал университетской аудитории для развития радикального воображения, пространства для разработки социологического исследования, основанного на принципах критики и заботы.

Он часто говорил: «Студенты — это наша первичная публика». В его глазах каждый студент представляет историю, заслуживающую внимания, вызов, достойный изучения. Он создал пространство, в котором обучение носило коллективный характер, где яростно и при этом полноценно обсуждались идеи и где знание не просто накапливалось, а становилось общим достоянием. Будучи его студенткой, я поняла, что самый большой дар Майкла заключался в способности создавать сообщество, в рамках которого мы можем развивать потенциал и инсайты друг друга. Он относился к нашим личным проблемам не как к помехам, а как к отправным точкам последующего теоретического анализа.

В классе он моделировал этику солидарности, в своих публикациях часто ссылался на студентов, признавал труд ассистентов преподавателя и относился к ним не как к обслуживающему персоналу, а как к коллегам- интеллектуалам.

Без сомнения, он был одним из самых любимых преподавателей своего поколения. Но еще важнее то, что он переопределил процесс преподавания, и наиболее памятные его уроки проходили на улицах: во время сессий обучения (*teach-ins*) на *Sproul Plaza* в Беркли (Университет Калифорнии) и во время пикетов. Педагогика и преподавание были для него неотделимы от политической приверженности и коллективной борьбы.

Для многих своих учеников Майкл Буравой не является создателем школы мысли. Он стал создателем сообщества практики, которое определяется не ученичеством, а несогласием. Он не стремился к тому, чтобы у него были верные последователи. Он хотел, чтобы с ним спорили. Мы — его студенты — не были сторонниками какой-то одной теоретической парадигмы — нас нельзя даже назвать сторонниками марксизма, который так сильно повлиял на работу Майкла. Нас объединяет не методологический конформизм или идеологическая позиция, но общая ориентация на мир: вера в необходимость социологического мышления и его способность осветить и преобразовать условия нашей жизни. Его социология была глубоко погружена в политические и этические проблемы своего времени, она отвечала на них и старалась их объяснить. И мы — его ученики — сформировали такой же взгляд на дисциплину.

Преданность Майкла педагогическому труду была непосредственно связана с его приверженностью глобальной социологии.

> Глобальная социология: от солидарности к структуре

МСА стала для Майкла не просто административной платформой, но лабораторией реализации его видения глобальной социологии. Он отвергал идею о том, что простая экспансия глобального участия в конференциях, совместных проектах или рост цитирования являются достаточными показателями интернационализации социологического знания. Вместо этого он призывал к более глубокой трансформации эпистемических структур нашей дисциплины. Опираясь на понятие «провинциализации Европы», предложенное Чакрабарти, Майкл утверждал, что социология должна противостоять своим Северным уклонам и стремиться к перераспределению интеллектуальной власти. Для него интернационализация представляет собой не включение в доминирующую модель, а культивацию диалогичной полицентричной социологии, укорененной во взаимном признании и витальной национальных традиций.

Майкл призывал к изменению модели вертикальной интеграции знания, при которой теория производится на Глобальном Севере, а данные собираются на Глобальном Юге. Он ратовал за создание горизонтальной структуры обмена, при которой теоретические и эмпирические

результаты социологической работы возникают в разных частях света. Майкл считал, что глобальная социология является не изучением глобального; речь идет о глобализации социологии как дисциплины: о соединении различных голосов, перераспределении власти и создании более справедливого и инклюзивного производства знания. Его видение социологии не было экстрактивным. Он подчеркивал значение реципрокности. В ст. *The Globalization of Sociology* [Глобализация социологии] он писал: «Мы не можем сделать социологию глобальной, если мы не сделаем глобальными условия ее производства».

Под руководством Майкла было начато издание *Глобального Диалога* — многоязычного журнала, с помощью которого социологические дебаты пересекают лингвистические и geopolитические границы. Журнал переводится на 15 языков и воплощает представление Майкла о многоязыковой, многоголосой полицентрической социологии. С самого начала он понимал, что переводы носят не только технический характер, но являются политическим высказыванием. Он поддерживал инициативы по расширению регионального представительства МСА, демократизации структуры ассоциации и поддержке ученых, находящихся в политически и экономически прекрасных условиях.

Этот эпос полностью проявился во время его визита в Иран в 2008 году, во время которого я его сопровождала. Он не позволил визовым ограничениям, санкциям или государственным репрессиям, границам (политическим, языковым, дисциплинарным) определять, с кем ему общаться. В условиях, когда иранская социология находилась в изоляции, вызванной международными санкциями и местными репрессиями, Майкл настаивал: «Если они не могут прийти к нам, мы должны идти к ним». Так он и сделал, стремясь показать, что иранские социологи остаются частью глобального профессионального общения. Там, где одни видели государство-парию, он видел интеллектуальное сообщество. Его жажда слушать, видеть и учиться, его дар делать тех, с кем он общается, услышанными, увиденными и понятыми — все это оставило неизгладимый след в памяти иранских социологов.

В Иране Майкл выступал в роли не только эмпатичного собеседника, но и полноценного этнографа. Он не ограничил свое пребывание посещением комфортных условий Тегерана и на рейсовых автобусах путешествовал по малым городам страны. Он говорил нам: «Как же иначе пообщаться с людьми». Мы смеялись и возражали ему: «Майкл, но ведь ты ни слова не знаешь на фарси». И все же, как оказалось, язык не стал коммуникативным барьером. Майкл обладал потрясающей способностью осваивать пространства и осмысливать текстуру местной жизни. Он никогда не оставался дистанцированным наблюдателем; он был участником в разворачивании историй тех людей, которые его окружали. Болтая с водителем автобуса, торгуясь с уличным продавцом или обмениваясь мыслями с университетским профессором, он разрушал коммуникативные стены своей искренней любознательностью и характерным юмором, налаживая связи, которые выходили за пределы словесного общения. Он учил нас, что этнографическая встреча — это не проявление знания языка; ее ключевым условием является человеческая любознательность и уважение к человеку.

Когда его спросили, что бы он сказал президентам Ахмадинежаду и Бушу, он ответил: «Я был хотел, чтобы президенты в обязательном порядке прослушали курс «Введение в социологию». В современных условиях, когда политические лидеры все чаще делегитимизируют социальные науки и ограничивают их финансирование, эти слова звучат не как шутка, а как пророческая критика отчуждения, существующего между властью и критическим знанием.

Вскоре после визита Майкла Иранская Социологическая Ассоциация учредила секцию, посвященную публичной социологии, которая в настоящее время является одной из наиболее активных и творческих. Мне посчастливилось быть переводчицей его текстов и выступлений, посвященных публичной социологии, и способствовать введению этого понятия в оборот в академическом сообществе, говорящем на фарси. Его работа получила широкий отклик: были организованы симпозиумы по публичной социологии, опубликовано несколько книг, а ключевые тексты, включая интервью и очерки Майкла, были переведены на фарси. Таким образом, иранские социологи могли осмыслить его представление о вовлеченной критической науке. После смерти Майкла, Ассоциация почтила его память мемориальной сессией. Национальные газеты опубликовали статьи о его наследии, подчеркивая долгосрочный эффект его визита и его идей в иранском социологическом сообществе.

Для Майкла глобальная социология стала практикой — он умел слушать поверх границ, переводить поверх различий и утверждал, что знание не является по-настоящему глобальным, если им не делиться с другими людьми, если за него не бороться и, если оно не проживает свою жизнь на многих языках.

> Дальнейшее развитие проекта

В современных условиях углубления неравенства, подъема авторитаризма, разрушения климата и глобального перемещения, идеи Майкла о публичной критической и дающей надежду социологии приобретают особую актуальность. Он учил нас, что социология должна отвечать на условия своего времени, что она делает прорывы в условиях кризиса и благодаря ему.

Чтобы продвигать это наследие мы должны поддерживать ценности, которые он исповедовал. Среди них:

- критическое исследование, построенное на диалоге и уважении;
- отношение к преподаванию как пространству взаимной трансформации;
- исследование, вовлекающее различные разделенные публики;
- отказ отелять анализ от ответственности.

Он завещал нам всем и МСА рассматривать социологию не просто как ряд понятий и типологий, но как процесс производства социального знания, которое является одновременно критическим, диалогическим и глубоко преданным миру, который оно стремится понять. ■

> Майкл Буравой: между живым марксизмом и публичной социологией

Руй Брага, Университет Сан-Паулу, Бразилия

Майкл Буравой был сбит насмерть автомобилем у своего дома в Окленде (Калифорния). Водитель скрылся с места происшествия, но позже был арестован. Смерть Майкла — это утрата наиболее значительного современного социолога-марксиста; его профессиональный путь переопределил место марксизма в университете после коллапса бюрократического государственного социализма, сохраняя при этом органическую связь между теорией и борьбой за освобождение человечества.

В 2023 году Майкл вышел на пенсию после 47 лет работы на факультете социологии Университета Беркли в Калифорнии, периода преданного служения студентам, коллегам и всем тем, для кого он выступал советчиком и консультантом. Начиная с 1970х годов после публикации его классической работы, *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism* [Производство согласия: изменения трудового процесса в условиях монополистического капитализма], которая произвела революционный переворот в изучении трудовых отношений, он оставался опорой критического марксизма, суть которого заключается в эмпирически строгом обосновании и открытом диалоге.

В течение своей жизни Майкл был легендарным учителем, способным насытить университетские аудитории харизмой и юмором, одаряя каждого студента индивидуальным вниманием. В аудитории на каждом занятии он запоминал несколько имен студентов, неприметно записывая их на доске, и к концу семестра он уже помнил почти всех студентов поименно. Бесчисленные отзывы о его научном руководстве свидетельствуют о его заботе и внимании, о братской поддержке студенческих исследований. В течение сорока лет под его руководством было подготовлено 84 диссертации; он часто интегрировал проекты своих подопечных в амбициозные сравнительные исследования, и таким образом возникали серьезные коллективные проекты. Аспирантские семинары, которые он вел, пользовались таким же спросом, как лекции для студентов. Его преданность преподаванию выражала глубокое чувство солидарности, которое вдохновляло его исследования и формировало его метод.

> Инновационное и вдохновляющее путешествие

В истории социологии на Майкла чаще всего ссылаются в связи с методологией «развернутого изучения случая» (extended case method), которая первоначально развивалась Манчестерской Школой Антропологии и была формализована Майклом в работе *Sociological Marxism* [Социологический марксизм]. Эта методология является не просто аналитическим инструментом, это строго научный подход к эмпирическому исследованию, который уникально эффективным образом соединяет микроповы и макропроцессы социального воспроизведения и трансформации. Этот метод применяет принципы рефлексивной науки к этнографическому материалу: с его помощью из особенного вычленяется общее, микроуровень переводится в макро-, а настоящее связывается с прошлым, предвосхищая будущее. С помощью этого подхода Майкл продемонстрировал как опыт рабочих на производстве отображает более широкие социальные структуры. Выступая в качестве участника наблюдателя, он подчеркивал моральные основания марксистской социологии: если человеческая история социально сконструирована, значит она может быть социально реконструирована, и, в идеале, построена более справедливым образом.

Такие ценности, как солидарность, справедливость, равенство и свобода, по мнению Майкла, неразрывно связаны с научной практикой. Социология должна не отрицать свою приверженность этим ценностям, а рефлексивно осмысливать их эвристический потенциал. Эмпирические и эпистемологические основания исследований Майкла сформировались во время необычной для академического мира полевой работы — на медных рудниках Замбии, на чикагском машиностроительном заводе, на венгерском сталелитейном предприятии, на российской мебельной фабрике. В этих четырех странах он работал станочником, сборщиком мебели, служащим отдела кадров. Таким образом, изучая четыре крупнейшие исторические трансформации, Майкл переопределял свою аналитическую оптику с учетом опыта производственного цеха. Четыре макро-трансформации — это африканская деколонизация, консолидации фордизма, коллапс бюрократического социализма и

“если человеческая история социально сконструирована, то она может быть социально реконструирована более справедливым образом”

подъем неолиберализма. На теоретическом уровне он синтезировал неортодоксальный марксизм (основанный на работах Грамши, Люксембург, Троцкого, Фанона и, позднее, Дюбуа) и радикальную социологическую традицию Райта Миллса, Алвина Гоулднера и Карла Поланьи.

В начале 1990х годов вместе со своим близким другом Эриком Олином Райтом Майк запустил амбициозный проект реконструкции «социологического марксизма», определяемого как теория противоречивого воспроизведения капиталистических социальных отношений. Они стремились сохранить эмансипаторный потенциал марксизма, ослабленный падением государственного социализма. Горан Терборн описал это интеллектуальное предприятие как «наиболее амбициозный проект настоящего марксизма» начала 21 века. Программа исследований разворачивалась в двух взаимодополняющих направлениях: «реальные утопии» Райта и «публичная социология» Буравого. Оба эти направления побуждали социологическое сообщество вовлекаться в отношения с различными публиками в научном мире и за его пределами, становясь частью широкого движения социальной трансформации. Оба социолога занимали в разное время пост президента Американской Социологической Ассоциации (ACA), а позже Майкл стал президентом МСА. Его избрание последовало за энергичной кампанией продвижения его видения публичной социологии, развернувшейся в 44 странах.

> Публичная социология

Майкл понимал публичную социологию как рефлексивную критическую социологию, ориентированную на вне-академические публики и преданную эмансипаторным ценностям, таким как справедливость, свобода, равенство, демократия и солидарность. Майкл часто повторял, что если политическая наука изучает государство, а экономика изучает рынок, то социология изучает гражданское общество, его противоречия и исторические вызовы. Неудивительно, что призыв к публичной социологии находил отклик у прогрессивных общественных движений, сопротивляющихся коммодификации труда, природы, денег и знания в мировом масштабе, особенно после глобального финансового кризиса 2008 года. В то же время Майкл подчеркивал необходимость изучения регрессивных движений, включая авторитарный национализм, подъем которого пришелся на 2010-е гг. и стал питательной базой для современных крайне правых. Он утверждал, что публичная социология существенно значима для выявления структур и

процессов, лежащих в основе этих «морбидных симптомов» (Грамши) современной автократии, и для стратегической поддержки обновления демократии.

После завершения своего президентского срока в МСА (2014), Майкл вернулся в Беркли и стал во главе Ассоциации преподавателей, защищая почасовиков, работающих в прекарных условиях в публичных университетах Калифорнии. Активно поддержав забастовку ассистентов преподавателей в 2023 году, он подтвердил свою приверженность социальной справедливости. В течение всей своей жизни он постоянно проявлял активную позицию в самых различных контекстах: он поддерживал независимость Замбии против апартеида ЮАР, борьбу феминисток против сексуальных домогательств в университетах, участвовал в протестах против войны в Украине и осуждал геноцид палестинцев в Газе. Последней теме посвящена его [статья, опубликованная посмертно](#). За всю историю глобальной социологии не было ни одного исследователя, который бы проводил полевую работу в стольких странах и при этом был так глубоко политически вовлечен в обсуждение фундаментальных проблем человечества. Мы должны навсегда запомнить Майкла как верного марксиста, учителя солидарности и публичного интеллектуала, который трансформировал социологию, сделав ее инструментом эмансипации.

> Буравой в Бразилии

Первые прямые контакты с бразильским социологическим сообществом Майкл установил в 2007 году, приняв участие в Латиноамериканском социологическом конгрессе (ALAS) в Ресифи. Во время визита он выступил с лекциями в крупнейших университетах, включая Сан-Паулу, Кампинас, Порту-Алегри и Рио-де-Жанейро. В то время он был вице-президентом МСА и активно продвигал проект публичной социологии, который он сформулировал чуть раньше и который широко обсуждался после его избрания на пост президента ACA.

После этой первой встречи Майкл регулярно посещал Бразилию, его часто приглашали на семинары, конгрессы и другие академические события. Его присутствие на встречах Бразильского Социологического Общества (БСО) и Национальной Ассоциации Аспирантских Исследований (НААИ) сделало его одним из наиболее признанных международных социологов в стране. Участвуя в жизни сообщества, Майкл сформировал уникальные отношения с бразильской социологией, для которых характерны отзывчивость в отношении его идей и прямой диалог с учеными и институциями.

>>

Это признание носило не только символический характер. Библиометрические замеры, основанные на данных SciELO на период 2010–2024 гг. показывают, что в бразильских журналах Майкл является одним из пятнадцати наиболее цитируемых международных социологов, что подчеркивает релевантность его работы и способность публичной социологии плодотворно взаимодействовать с бразильскими традициями критической мысли, укрепляя таким образом вовлеченную и глобально объединенную социологию.

Присутствие Майкла в Бразилии оказало решающее влияние на исследовательские проекты Центра Изучения Гражданских Прав (Cenedic) при Университете Сан-Паулу, где он неоднократно выступал (последний раз в 2023 г.) и с которым поддерживал многостороннее плодотворное сотрудничество. Моя собственная интеллектуальная траектория также сформировалась под его влиянием: анализируя трансформации бразильского рабочего класса, я опираюсь на реконструированный критический социологический марксизм, основанный на эмпирических исследованиях и применении адаптированного «метода развернутого случая».

Диалог с Майклом существенно укрепил практики публичной социологии в Cenedic; в этом проекте наиболее известной фигурой является Чико де Оливера (Chico de Oliveira). Нет ничего удивительного в том, что Чико написал предисловие к монографии, которую редактировали мы с Майклом *Por uma sociologia pública* [В защиту публичной социологии]. Эта публикация символизирует конвергенцию различных критических традиций – латиноамериканской версии марксизма и международной публичной социологии – в рамках единого интеллектуального и политического горизонта.

Во время своего последнего посещения Сан-Паулу Майкл участвовал в презентации моей книги *A angústia do precariado: trabalho e solidariedade no capitalismo racial* [Мучения прекариата: труд и солидарность в условиях расового капитализма], посвященной анализу трансформации рабочего класса в США. В этой книге рассказывается в том числе и о У.Э.Б. Дюбуа, чернокожем американской социологе, фигура которого стала последним интеллектуальным увлечением

Майкла и о котором он писал книгу, когда смерть внезапно настигла его. Увлеченность Майкла идеями Дюбуа вновь поставила на повестку дня одну из центральных идей публичной социологии: критическую реконструкцию социологического канона с помощью инкорпорирования исторически маргинализованных интеллектуальных традиций.

Его наследие процветает в Бразилии. Такие недавние инициативы, как проект группы AfroCebrap, способствовали распространению работ Дюбуа на португальском языке, включению его теоретических идей в бразильские социальные науки и расширению интерпретативных подходов за счет аналитического внимания к вопросам расы и глобального отношения между расизмом и капитализмом. Конвергенция подходов Майкла и Дюбуа усиливает глобальный интерес к публичной социологии и предлагает Бразилии интерпретативный подход, позволяющий развивать глубокую критику расового капитализма, связывая ее с международной теорией и национальным историческим опытом.

> Последняя встреча

Последний раз я виделся с Майклом в Йоханнесбурге в октябре 2024 года. После одного из памятных ужинов, за которые он всегда настойчиво платил сам, я подвез его к дому, где жили наши друзья, Мишель Вильямс и Виша Сатгар. Я работал в то время в ЮАР, поскольку более десяти лет назад Майкл показал мне, насколько уникально значима социология, создаваемая в этой стране; за это я ему глубоко благодарен.

В тот день мы попрощались, обсудив предварительно детали его участия в Бразильском Социологическом Конгрессе в июле 2025 года. Он собирался рассказывать о бойне в Палестине и был обеспокоен тем, насколько обращение к этой сензитивной теме соотносится с политическим климатом в университете. Я уверил его в том, что публика всегда будет рада услышать его, зная, что он на самом деле является самым выдающимся марксистским социологом своего поколения. ■

Адрес для связи: <ruy.braga@usp.br>

> Буравой и ремесло глобальной публичной социологии: Диалоги с Россией

Павел Кротов, Фонд Питирима Сорокина, Бостон, США; **Татьяна Лыткина**, Коми Научный Центр, РАН, Россия; и **Светлана Ярошенко**, Санкт-Петербургская Ассоциация социологов, Россия

Майкл Буравой в поле, в Коми, 2002. Фото Татьяны Лыткиной.

Майкл Буравой, известный социальный мыслитель нашего времени, трибун публичной социологии трагически ушел из жизни. Ему было всего 77 лет, из которых большую часть он посвятил социологии, раскрывающей действие невидимых границ, сокращающей неравенство в разных формах и наводящей мосты между разными сообществами, в том числе социологическими.

Майкл был и останется одной из самых значительных фигур современной социологии, а для нас — другом, учителем и коллегой. Результаты его жизни и работы еще долго будут привлекать к себе внимание неравнодушных к тому, как развивается неолиберальный капитализм и как хрупкое гражданское общество в разных странах защищается от давления рынков и государств. В этом кратком эссе мы размышляем о части его жизненной истории, связанной с нами и Россией, с его не реализованным до конца замыслом

— развить социологическую теорию разнообразной динамики капитализма и того, как она проявляется и переживается на практике, а также о том, какое влияние на социальные изменения может оказать публичная социология.

> Становление рабочего движения при государственном социализме

В далёком 1986 году — на заре Перестройки — Майкл приехал в Москву вместе с Эриком Олином Райтом, чтобы обсудить с социологами Института социологии АН СССР организацию опроса, посвященного классовому сознанию советских граждан в рамках сравнительного исследования социальной структуры в США и СССР.

Они провели десять дней в «досадных, но весьма показательных» переговорах, проявивших не только различия

>>

Майкл Буравой на публичном обсуждении в Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2015.
Фото Татьяны Лыткиной.

в восприятии сторонами ключевых марксистских категорий, но и неприятие советскими обществоведами марксизма, их скрытое недовольство своим положением в однопартийном государстве, а вместе с тем различные интерпретации противоречий реального социализма без их качественного социологического анализа.

Каждый из них принял для себя решение о том, как дальше развивать научную и публичную дискуссию о роли рабочего класса в текущей истории, о позиции и месте интеллектуалов в меняющемся обществе, в социальной жизни. Эрик Райт больше не приезжал в Россию. Майкл, напротив, искал возможности проведения развернутого монографического исследования на советском производстве, аналогично тому, что он проводил в Венгрии. Он исходил из того, что реализацию социализма в СССР нельзя считать трагической ошибкой, не имеющей отношения к социалистическому идеалу. Напротив, он считал государственный социализм одной из форм социалистического устройства и ставил вопросы об особенностях организации труда и сознания советских рабочих, причинах развития рабочего движения в странах государственного социализма, а также уроках этой формации для современности.

> Переход к рыночному капитализму

В 1991 году Буравой начал проводить участящее наблюдение на мебельной фабрике в Коми, проверяя тезисы, изначально выдвинутые им в монографии «Производственное согласие» (1979) и позже концептуально разработанные в книге «Сияющее прошлое» (1992, совместно с Яношем Лукачем). Он проводил различие между контролем над производственными отношениями (*relations of production*) и контролем отношений в процессе производства (*relations in production*). В советских условиях рабочие осуществляли производственный контроль, чтобы обеспечить непрерывность производственного процесса в условиях системной нехватки ресурсов и отказа менеджеров от оперативного управления. Эта парадоксальная автономия демонстрировала как гибкость, так и устойчивость административно-командной системы.

Изначально задача заключалась в сравнении организации советского и венгерского труда. Однако результаты полевого исследования показывали, что плановая экономика

распадалась и все больше заменялась бартерным обменом, что приводило к беспорядку, а не к самоорганизации. Фабрика стала пространством анархической разобщённости, способствующей росту торгового капитализма и зарождению олигархического класса.

С 1992 по 1994 год исследование было продолжено в угольном бассейне Воркуты, где происходили конфликты между шахтерами и реформаторами. Социологический анализ всех двенадцати шахт, проведенный в рамках проекта Всемирного банка, выявил пагубные последствия шоковой терапии. Рабочие, разочарованные либерализацией рынка, постепенно отказались от коллективного сопротивления, [«склоняясь перед ангелом истории»](#)

> Давление рынка, гендерное смешение и экономическая инволюция

С развалом промышленных предприятий повсеместно стали задерживаться выплаты заработной платы, а вознаграждение иногда выплачивалось в виде продуктов питания по завышенным ценам. Экономическая активность переместилась в домашнюю сферу. Сложившаяся ситуация определила дальнейший путь социологического исследования.

Начиная с 1994 года, Буравой и Лыткина изучали стратегии выживания рабочих, проводя интервью в домохозяйствах и разрабатывая теорию постсоциалистического перехода, вдохновленную книгой Карла Поланы «Великая трансформация». Буравой подтвердил аргумент Поланы: рынки не могут формировать общество, не разрушая его и не вызывая сопротивления.

В постсоветской России это сопротивление проявилось в виде увеличения объема домашнего труда, возрождения неформальной экономики и коммодификации труда, денег, природы и заботы, — не являющихся товарами, а “завернутыми” в сложную сеть повседневных отношений и наполненными культурными значениями. Интервью выявили значительные гендерные различия в процессе выстраивания жизненных стратегий. Женщины фактически становились главами домашних хозяйств, компенсируя потерю мужчинами оплачиваемой занятости и статуса. Женские сети поддержки,

основанные на родственных связях, часто заменяли несостоятельное государство. Однако, предприимчивость женщин из рабочего класса, как внутри домашнего хозяйства, так и за его пределами, в том числе среди тех, кто занимался мелким бизнесом в сфере торговли или услуг, не позволяла им и их семьям вырваться из круга лишений.

Буравой, Кротов и Лыткина определили этот процесс как [«Инволюцию»](#) — регрессивную адаптацию, обеспечивавшую выживание ценой социальной реконструкции.

> Давление неолиберального государства и логика исключения

Исследовательский проект «Инволюция» был реализован в секторе экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера (ИСЭиЭПС) при Коми Научном Центре РАН. Буравой, оказавшись в эпицентре научного коллектива, был готов обсуждать наблюдаемые в полевых изысканиях противоречия, открыт к сотрудничеству и совместному поиску способов превращения эмпирических вызовов в концептуальные модели.

Так появилась новая инициатива — проект, в котором мы изучали тех, кто обращался за государственной помощью на селе и в городе, получая или утрачивая статус нуждающихся и то, какое влияние на них оказывала формирующаяся с 1996 года система избирательной социальной защиты, запускающей механизм воспроизводства бедности.

Несмотря на свою приверженность марксизму, Буравой был теоретически открытым, считал важным привлекать разные аналитические подходы, в которых находит объяснение расхождение теоретических предпочтений и эмпирической реальности. Так, например, он согласился с перспективностью реконструкции «устаревшей теории» Уильяма Джюлиуса Уилсона о городской бедности в российском контексте, предлагая на основании эмпирических данных «оживить» аналитические категории.

По мере ухудшения ситуации с трудовыми правами и практически полного запрета законных забастовок государство отстранялось от регулирования рынка труда. Одновременно с этим вводилось более жесткое определение бедности. Более того, по мере роста числа людей, живущих в бедности и изменения состава этой категории, государство меняло правила регистрации «нуждающихся в поддержке». Оно дисциплинировало людей с низкими доходами, расширяя круги исключенных, не имеющих возможности реализовать права на социальную защиту. Бюрократическое дистанцирование — со стороны государства, экспертов в области социальной политики и профсоюзов — приводило к эффектам социальной изоляции в условиях [«примитивной борьбы за выживание»](#). В этих условиях признание бедности стало стратегией выживания, а классовая идентичность людей растворялась.

> Публичная социология против коммерциализации знаний

Позже, Майкл обратился к изучению своего собственного рабочего места — университета, чтобы рассмотреть, как в условиях коммерциализации и растущего внешнего регулирования уже не только физического труда, но и знаний, производится сама социология.

В 2007 году по приглашению Светланы Ярошенко он приехал с серией лекций о публичной социологии в Санкт-Петербург и вернулся сюда же в 2015 году с лекцией [«Социология как призвание»](#), приняв участие в круглом столе [«О перспективах развития российской социологии в XXI веке»](#).

Буравой подчёркивал призвание социологии как науки и морально-политической силы, заключающейся в стремлении к объединению общества, а не его расколу. Он выступал за обращение к разнообразным публикам, или группам общественности, как традиционным — невидимым в общественном пространстве, но часто исключаемым и маргинализируемым, так и органическим — видимым, локально определенным и, зачастую, протестным сообществам. Несмотря на осознание структурных ограничений, с которыми сталкивается российская публичная социология, его оптимизм и личный опыт преодоления трудностей подкрепляли его убеждение в том, что профессиональная и публичная социология могут существовать и процветать.

В 2015 году, в условиях растущего давления в сфере образования и науки, он призвал социологов противостоять некритичному следованию формальным и классифицирующим показателям академических достижений, осмысливать происходящее в историческом ключе, формировать знания о меняющемся обществе и развивать локальную теорию, пусть даже заимствованную, но сформированную на основе российского контекста.

Он выступал за профессиональную солидарность социологов и их активное взаимодействие с самоорганизующимся гражданским обществом, подчеркивая преобразующую силу коллективных исследований и их общественную значимость.

> Майкл как живое воплощение своих идей

Майкл удивительным образом сочетал в себе социологический энтузиазм с чувствительностью и критичностью к новым формам социального неравенства, вызываемыми глобализацией неолиберального капитализма. Результаты его исследований в разных странах, в том числе в России, показывали, что социологи в узком смысле и социальные ученые, в широком — могут стать квалифицированным публичным интеллектуальным классом: стоящим на стороне гражданского общества, созидающим действие неравенства, понимающим личные проблемы как общественные и защищающим ценности, способные объединить разные социальные общности.

Прежде всего, мы помним и ценим его внимание, открытость, щедрость и мудрость, а также умение слушать и уважать мнение другого человека. Тем самым уже в повседневном взаимодействии он умел преодолевать границы, иерархии и структуры, выстраивать отношения равенства. Его понимание структур и деятельной жизни было сформировано благодаря глубокому сопереживанию людям труда.

Для нас Майкл Буравой был не просто теоретиком публичной социологии — он был её живым воплощением. ■

> Майкл Буравой: публичная социология и оптимизм воли

Фарин Парвез, Массачусетский университет в Амхерсте, США

Майкл Буравой читает лекцию перед зданием Уилер-холл в Калифорнийском университете в Беркли. Фото Аны Вийяреаль.

Майкл Буравой был моим научным руководителем и частью моей жизни с 2001 года. Наше прекрасное богатое общение длилось 24 года. Я написала ему последнее сообщение по e-mail за несколько часов до известия о его смерти, делясь с ним мыслями об академической акции в поддержку Палестины (Palestine teach-in), которую он горячо поддерживал. Через несколько минут после обсуждения в классе его блестящего очерка “Marxism after Communism” [Марксизм после коммунизма, 2000] я получила голосовое сообщение и затем прочла ужасное сообщение по электронной почте.

Сохранение и развитие его наследия причиняет боль и согревает душу. Преодоление национальных границ было крайне значимо для Майкла с самого начала его профессионального пути. Он оставался верным этому принципу и во время работы в MCA, и во время экстенсивных путешествий в течение последних 15 лет, когда он знакомился с социологами в разных уголках планеты.

Майкл был руководителем около 80 аспирантов. Многие пришли к нему, поскольку интересовались проблемами труда, бывшим Советским Союзом и посткоммунистическим транзитом. Другие видели в нем поддержку этнографии, глобальных сравнений или марксистской позиции в социологии и мире. Я отношусь к последней категории студентов, что означает, что в свое время я не познакомилась в должной мере с эмпирическими работами Майкла. Сейчас я открываю их для себя и погружаюсь в них все больше и больше. Каждый раз возвращаясь к трудам Майкла, я поражаюсь поэзии, которая лежит в основе его текстов. Страсть, с которой он отдавался общению в реальной жизни, нашла выражение и на страницах его работ.

> **Морально ответственный этнограф, социолог и верный марксист**

Будучи этнографом, Майкл работал станочником и токарем на радиально-сверлильном станке (я не уверена,

что я знаю, что это такое) на резиновом заводе, заводе шампанских вин и мебельной фабрике в российской Арктике (где, я шутила, я хотела его навестить). Первые работы Майкла были посвящены расе и классу на медных рудниках Замбии. Он писал об основаниях согласия рабочих с условиями своей эксплуатации на американской фабрике, производственных процессах и различных государственных мерах, и идеологических режимах, которые их поддерживают. Он также анализировал реальные практики социализма в Венгрии и советский переход к капитализму. Он постоянно обращался к работам Поланы по изменению природы движений, глубоко изучал работы Бурдье, а в последние годы, социологию Дюбуа в рамках более широкого проекта деколонизации канона. Он много писал об этнографии (моя любимая книга — *The Extended Case Method*) и, конечно, о реконструкции марксизма. Майкл также писал критические статьи о неолиберализме в университетах, расовом капитализме в Южной Африке. Среди его последних проектов был интерес к Палестине. Этот случай он рассматривал как выражение поселенческого колониализма, опираясь при этом на сопоставление с апартеидом в Южной Африке и, прежде всего, напоминая американским социологам о нашей моральной ответственности предавать огласке происходящее, чтобы уменьшить страдания палестинцев.

> Работа Майкла как поэзия

Я хочу поделиться несколькими краткими фрагментами текстов Майкла, которые явно носят поэтический характер.

«Что такое позитивная наука? Огюст Конт считал, что социология должна заменить метафизику и выявить эмпирические законы общества. Социология стала последней дисциплиной, которая вошла в царство науки, но, став частью этого царства, она стала управлять неуправляемым и производить порядок из хаоса. Таким образом позитивизм является одновременно наукой и идеологией» (*Extended Case Method*, р. 31).

«С точки зрения рефлексивной науки, интервенция не только является неизбежной частью социального исследования, но и добродетелью, которой нужно следовать. Благодаря взаимному обогащению мы обнаруживаем качества социального порядка. Интервенции создают пертурбации, которые не являются просто шумом, который необходимо убрать, но музыкой, которую нужно ценить, передавая скрытые секреты мира участников» (*Extended Case Method*, р. 40).

«Существует ли что-нибудь особенное, что гарантирует нашу поддержку Палестины?» [...] Возможно, продолжающееся уничтожение палестинцев является самым ужасным варварством на свете. Оно происходит вживую на наших экранах, мы с ним сталкиваемся лицом к лицу, мы не можем избежать его. Безусловная поддержка Израиля западными державами придает этому историческое значение. Социологу недостаточно заявить свою позицию и двигаться дальше; как социологи, мы связываем свои политические позиции с

теоретическими рамками. В период «постколониальности» систематическое и прозрачное подавление палестинцев Израильским государством становится уникальным, заставляет нас переосмысливать свое прошлое, придавая новое значение понятию «поселенческий колониализм» на обломках распадающихся империй.

Это лишь три абзаца, отобранные из текстов, которые поражают своей красотой.

> Личное влияние и повестка публичной социологии

Далее я расскажу немного о влиянии Майкла на меня лично и на мою работу. А затем обращусь к тематике публичной социологии.

Когда Майкл вышел на пенсию в 2023 году я, как и другие его студенты, написала некоторые размышления по этому поводу. Здесь я привожу фрагмент этого текста. Я поступила в университет в сентябре 2001 года. Через две недели Конгресс проголосовал за введение войск в Афганистан, и с тех пор мир совершенно изменился. Я помню лекции Майкла в курсе «Введение в социологию» (Soc 101), во время которых он резко критиковал развязывание войны и заставил студентов (полный зал) критически осмысливать 9.11 и последствия этого события. Это происходило в тот момент, когда американский национализм находился на самом пике своей популярности. Я поняла, что я на месте в этой аудитории.

Через пару лет Майкл сформулировал повестку публичной социологии; энергия и привлекательность этого проекта определили оставшиеся годы моего обучения. В своем очерке *“For Public Sociology”* [В поддержку публичной социологии, 2005] Майкл писал: «От 50% до 70% социологов, получивших степень PhD, будучи аспирантами, сохраняли свою первоначальную профессиональную приверженность, занимаясь публичной социологией на стороне, часто скрывая это от своего научного руководителя». Сегодня, когда у меня нет руководителя как такового, именно занятие публичной социологией на стороне поддерживает меня.

Сегодня влияние Майкла на мое мышление является неявным, но глубоким и непоколебимым. Моя работа, посвященная религии и безумию в Марокко, отражает почерпнутые у него знания о психоаналитической работе Фанона в Алжире и о социологических корнях травмы. Мое исследование долгов в домохозяйствах Индии возвращает меня к моей первой влюбленности в марксизм, которой я обязана Майклу. В самом деле марксизм в версии Майкла был моей святыней.

Меня притягивала к Майклу не только его интеллектуальная и личная харизма, но и отчуждение, и класс, присутствие которых я видела во всем, что изучала. Это касалось и отношения к порнографической индустрии (тема моей магистерской, руководителем которой был Майкл), и типов политической мобилизации мусульманских меньшинств (тема PhD диссертации,

научным руководителем которой он был, и название опубликованной впоследствии книги).

> Учитель аналитического мышления, который всегда ориентировался на изменение мира

Майкл побуждал меня заниматься этнографией, избегая мест проявления гегемонной власти и глобального космополитизма. Поэтому проводя полевую работу во Франции и Индии, я фокусировала внимание на маргинальных городах. Таким образом я решила изучать Лион на юге-востоке Франции и Хайдарабад на юге Индии. Я чрезвычайно благодарна ему за то, что жила и работала в этих удаленных от центра местах. Майкл научил меня мыслить аналитически и теперь, когда я затрудняюсь сформулировать аргумент, я возвращаюсь к табличке 2x2, которую он так любил. И тогда все, что раньше казалось смутным, становится ясным и четким.

Несомненно, Майкл сформировал мое понимание этнографии. Когда, изучая субалтерные мусульманские меньшинства, я билась над разрешением глубоких этических вопросов и отношениями власти в поле, я знала, что я ориентируюсь на идеи Майкла. Я цитировала его работы в методологическом приложении к своей книге.

В работе *Extended Case Method* он пишет: «Независимо от того на чьей стороне мы находимся – управленцев или рабочих, белых или черных, мужчин или женщин – мы автоматически оказываемся включенными в отношения господства. Будучи наблюдателями, как бы мы себя ни обманывали, мы всегда выступаем «на своей стороне» (Gouldner 1968). Может быть наша миссия благородна, и мы стремимся поддержать общественные движения, социальную справедливость, проблематизируем горизонты повседневной жизни, но нам не укрыться от дивергенции интеллектуалов, не важно органических или нет, и интересов того сообщества, которое они представляют».

Майкл жил и дышал в соответствии с одиннадцатым тезисом о Фейербахе: «До сих пор философы только интерпретировали мир различными способами, но задача заключается в том, чтобы изменить его».

Я думаю, все его студенты соглашатся, что он верил, прежде всего, в возможность изменения мира к лучшему и в революцию, а не в теорию во имя теории или знание во имя знания. Именно это поражает меня больше всего и мотивирует меня во всех моих действиях. Но такая позиция занимает странное место в американской социологии. Я помню, несколько лет назад я получила крайне отрицательную оценку от одного из слушателей. Текст гласил: «Курс профессора Парвез совершенно бесполезен, если вы только не хотите стать коммунистом-революционером». Я не была уверена, оскорбиться на такой отзыв или, наоборот, считать его знаком отличия. Я думаю, Майкл бы на моем месте посмеялся и почувствовал гордость. Так Закари Левенсон написал в своем мемориальном очерке: «Майкл не выносил эмпиризма, но в той же степени его раздражал теоретизм.

Он считал, что задача социологического марксизма заключается том, чтобы осторожно перемещаться между этими двумя крайностями».

Еще одной примечательной чертой Майкла, которая, я надеюсь, оказала на меня влияние, было его стремление изменяться вместе с изменяющимся миром. И это несомненно соответствовало его пониманию марксизма. Хотя он десятилетиями читал свой теоретический курс весьма специфическим образом, в последние годы он включил в него Дюбуа и таким образом поднял совершенно новую тематику и начал серьезно менять свой теоретический курс. До Дюбуа, он особое внимание уделял работам Бурдье. (Я помню, как он записался слушателем на аспирантский семинар по Бурдье, который вел Лоик Вакан, и ворчал, что объем домашних заданий слишком велик). Мне посчастливилось быть частью когорты студентов, которые обсуждали и оспаривали границы и потенциал подхода Бурдье. Майкл испытывал в то время глубокую потребность в понимании и прояснении собственной теоретической оптики и было занимательно участвовать в этой динамике.

> Оптимизм воли и движение вперед

В 2011 году [Майкл писал](#): «Антонио Грамши известен фразой о «пессимизме интеллекта и оптимизме воли». Пессимизм интеллекта относится к структурной детерминации социальных процессов, которые задают пределы возможного. Политика, с другой стороны, требует оптимизма, который определяет формирование коллективной воли, преодолевает барьеры и стремится к невозможному. Оптимизм воли взывает к пессимизму интеллекта и наоборот. Это сиамские близнецы».

Хотя у меня есть некоторые предположения, я не знаю, был ли Майкл убежден в том, кризисы в США становятся все глубже, а противоречия, в конечном счете, созревают до движения в сторону социализма. Однако Майкл всегда поддерживал современные общественные движения и восхищался ими. Это касается и движения *Occupy Wall Street*, и движения за справедливость в Палестине, о которых он время от времени говорил в течение многих лет.

Однако он часто напоминал нам, что нашей первичной публикой являются студенты. В той степени в какой мы находимся в состоянии грамшианской позиционной войны, университет находится в оконном положении. Возможно, в этих условиях важнейшей задачей тех, кто занимается образованием, является формирование нравственной позиции наших студентов. Мы должны помочь им увидеть, что что-то прогнило в ядре нашей капиталистической системы и помочь им понять, что они могут и должны изменить мир.

С характерной для него скромностью Майкл говорил, что публичная социология всегда была мейнстримом в значительной части Глобального Юга, от Южной Африки до Индии; что он ничего особенно нового не говорил, когда продвигал идею, что наша социологическая работа

должна быть подотчетна публике или быть публично вовлеченной. Я думаю, он многому научился у активистов и социологов Глобального Юга.

> Органическая публичная социология: процесс или этика

В 2011 году он писал: «Публичной социологией не может называться плохая социология, публичная социология не может быть авангардистской или популистской. Она должна стремиться к диалогу (с трудящимися) на основе того, что мы знаем как социологи» (2011: 75).

Необходимо продолжать этот обмен между Глобальным Севером и Глобальным Югом, продолжать разрушать эту бинарность и двигаться в сторону реальной солидарности, которую Майкл воплощал в своей практике. Мы должны делиться знанием многонаправленным образом, мы должны делиться нашим пониманием происходящего с реально существующими сообществами и социальными движениями. Мы не всегда будем согласны друг с другом и для тех из нас, кто является этнографом, наши суждения не всегда совпадут с тем, что хотят услышать сообщества, но нужно общаться и обсуждать, и вовлекаясь в этот процесс, мы движемся вперед – и именно это составляет нашу традицию.

Опираясь на его статьи 2020-21 гг., я могу сказать, что для Майкла было особенно важно, чтобы публичная социология вышла за пределы обычной популяризации для медиа, op-eds и радио, а стала «органической», вовлекаясь в жизнь сообществ и активистов. Лично для меня именно это направление стало привлекательным. Не существует рецептов развития органической публичной социологии, и в значительной степени я обучаюсь на своем опыте. Я стараюсь обнаружить эту прекрасную точку, где соединяется, с одной стороны, социологический анализ и теория, а, с другой, живая реальность и коммуникация лицом к лицу с теми, кто испытал на себе воздействие насилия и пережил страдания, с которыми мы стремимся бороться. Это в особенности касается изучения положения беженцев, мигрантов и рабочих активистов, протестующих на улицах и борющихся за справедливость.

Несмотря на то, что Майкл не оставил нам инструкций о том, как действовать в контексте этих властных отношений и как вести этот диалог, преодолевая

классовые разделения, я считаю, мы можем многому научиться на его примере. Меня особенно интересует, является ли органическая публичная социология процессом или этикой.

На примере Майкла я могу предположить, что, возможно, органическая публичная социология предполагает приверженность науке в сочетании с сердечной приверженностью людям. Она предполагает определенную моральную убежденность и наличие особых черт характера.

> Наследие Майкла: юмор, энергия, оптимизм и этика поддержки

Какие черты характера привлекали к Майклу многие сотни, а может быть, тысячи людей во всем мире? Он обладал открытостью, верой в интуиции других людей, скромностью, добротой и поистине демократическим духом: Он верил, что научиться можно у любого человека, он следовал этике уважения к каждому, от близких друзей до уборщиков здания. Поймите меня правильно, он мог быть нетерпеливым и не выносил проявлений интеллектуальной лени и снобизма. Но Майкл взаимодействовал с большим количеством аудиторий на Глобальном Севере и Глобальном Юге, и его публичная социология опиралась на его этику, на его способ существования.

Я скорблю о том, что более не смогу беседовать с Майклом о публичной социологии и саморганизации в темные времена. Но переживая различные стадии горя, я думаю обо всем том, что я так любила в нем – о его юморе и энергии, оптимизме и этике – и стараюсь освоить эти его практики. Я думаю, это предстоит сделать всем тем, кто находился в его орбите, кто смог научиться от него и получить его благословение. В работе *The Extended Case Method* он писал: «Если почва постоянно уходит из-под ног, то нужно взять трость». Труды Майкла (которые я считаю поэзией) и его этика (проявления которой мне посчастливилось наблюдать) станут такой тростью для меня. ■

Текст основан на выступлении автора на вебинаре «Публичная социология и Глобальный Юг», посвященном Майклу Буравому, организованном Сетью изучения Социальной Теории (1 марта 2025 г., Бангладеш). Первая версия опубликована в *Berkeley Journal of Sociology*.

Адрес для связи: <parvez@soc.umass.edu>

> Трудовой процесс и производство гегемонии: взгляд Буравого

Айлин Топал, Технический Университет Среднего Востока, Турция

Я познакомилась с Майклом Буравым лично на Конференции Совета Национальных Ассоциаций МСА в Анкаре в 2013 году. В это время он был президентом Ассоциации. С тех пор я стала активным членом МСА, мы оставались с Майклом в контакте, встречаясь на конференциях МСА и обмениваясь сообщениями о важных политических событиях. Он был поистине трансдисциплинарным социальным ученым. Хотя я являюсь политологом, я стала членом МСА благодаря его дружелюбию и междисциплинарному подходу к исследованиям, призванным ответить на поставленные вопросы.

Наш общий друг, Эрик Олин Райт, ушел из жизни в 2019 году. Сражаясь с лейкемией, Эрик в своих дневниковых записях глубоко осмысливал жизнь, смерть и жизнь после смерти. Я помню, как мы с Майклом обменивались электронными письмами по поводу материалистических взглядов Эрика, который считал, что наши физические тела возвращаются во вселенную в виде звездной пыли и таким образом мы обретаем глубокую связь с космосом. Я знаю, что Майкла захватила это гуманистическая идея ре-интеграции с миром природы. Он продолжит существование не только в форме звездной пыли, но и в другом качестве: мы будем читать его произведения, его будут цитировать ученые, исследующие природу капиталистического трудового процесса и динамику классовой борьбы. В этой статье я вдохновлюсь его литературному вкладу в эту проблематику.

> Рабочая сила

Процесс производства занимает центральное место в экономической теории. В конце концов, определение экономики начинается с производства, которое можно определить как трансформацию объектов, обладающих конкретной потребительной стоимостью, в объекты с другой потребительной стоимостью. Таким образом производство представляет собой создание новой потребительной стоимости. Именно рабочая сила, используя средства производства, трансформирует объекты, создавая новую потребительную стоимость. Эта трансформация и произведенная новая потребительная стоимость настолько значимы для рынка, насколько они соответствуют более высокой меновой стоимости.

В центре капиталистического производства лежит противоречие. В условиях капиталистических рынков работники не владеют средствами производства, с которыми они должны взаимодействовать для производства более высокой меновой стоимости. Чтобы это случилось, капиталист должен инвестировать в рабочую силу. Инвестиция в рабочую силу неизбежна для капиталиста, поскольку рабочая сила обладает уникальной способностью трансформировать объекты и производить новую меновую стоимость, которая превышает предыдущую меновую стоимость объекта. Инвестиция в рабочую силу является

доходной в той мере, в какой работник создает стоимость более высокую, чем меновая стоимость его рабочей силы. Оплата труда представляет собой меновую стоимость рабочей силы; она достигает социально детерминированного уровня, необходимого для воспроизведения рабочей силы и поддержания семей работников. В то же время капиталисты должны получать доход, принуждая работников трудиться больше, чем необходимо для создания новой потребительской стоимости равной оплате их труда.

Таким образом трудовой процесс при капитализме неизбежно выходит за пределы производства потребительской стоимости и меновой стоимости труда и включает производство и частное присвоение социально произведенной прибавочной стоимости. Капиталистический трудовой процесс включает отношения, складывающиеся в процессе производства между двумя тенденциями: максимизацией неоплачиваемого труда, с одной стороны, и максимизацией меновой стоимости рабочей силы, превышающей минимум, необходимый для уровня выживания, с другой. Несмотря на ключевое значение этого напряжения в социальных отношениях производства, до 1970х годов существовал явный недостаток в детальных исследованиях и обсуждении процессов труда и производства.

> Новаторские критические работы

В 1954 году группа социальных исследователей стала проводить сравнительные исследования трудовых отношений и индустриальных систем в различных странах, фокусируя внимание на экономическом развитии, трудовых рынках и отношениях между государством, бизнесом и наемным трудом (т.е. индустриальных отношениях). Основной задачей этих исследований было выявление универсальных паттернов индустриализации в контексте собственно трудовых отношений и индустриальной формации, сформированной культурным и политическим контекстом каждого рынка. Исследование финансировалось Фондом Форда и было опубликовано в виде коллективной монографии под редакцией Кларка Керра в 1960-м году под называнием *Industrialism and Industrial Man* [Индустриализм и индустриальный человек]. Книга фокусирует внимание на влиянии лидеров индустриализации каждой страны на реальный ход процесса индустриализации. Этим исследованиям не удалось выйти за рамки теории модернизации; в них подчеркивалась роль «промышленных элит», посредничающих в отношениях между рабочими и нанимателями во имя стабильности и экономического роста. Функционалистская концепция причинных (каузальных) отношений, внеисторичный подход и склонность к тавтологии препятствовали широкому обсуждению этого подхода за пределами круга его сторонников.

“динамика принуждения и согласия маскирует эксплуататорскую природу капитализма”

Работа Гарри Брейвермана *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century* [Труд и монополистический капитал: деградация труда в двадцатом веке] (1974) стала одной из новаторских работ, критически исследующих трудовой процесс в капиталистическом обществе. Брейверман утверждал, что капитализм стимулирует развитие современной техники, но, по сути своей, приводит к эрозии навыков работников промышленных предприятий и офисов. Он рассматривает историю капитализма как процесс массовой деквалификации, при котором квалифицированным трудом занимается очень небольшое число работников, включая инженеров и управленцев. Неквалифицированный труд, с другой стороны, становится необходимым придатком машин. В целом, Брейверман подчеркивал, что тейлоризм представляет собой «ничто иное, как эксплицитную вербализацию капиталистического способа производства».

Аргумент деквалификации, выдвинутый Брейверманом, удивительно напоминает фильм Чарли Чаплина «Новые Времена» (1936), критикующий дегуманизирующие эффекты индустриализации и капиталистического трудового процесса. Фрагментация сложных задач на простые повторяющиеся операции приводит к отчуждению работника от труда, а смысл и ценность его деятельности поглощается машинами. Очевидно, что техническое разделение труда, присущее капиталистическому процессу производства, исподволь формирует процесс труда. Сложный процесс производства не является недифференцированным, он подвергается фрагментации благодаря капиталистическому разделению труда. Поскольку различные отрасли производства отвечают за разные элементы этого процесса, наемные работники остаются не вовлеченными во все трансформации производимого продукта, а, как правило, взаимодействуют с ним на конкретной стадии производства. Эта убедительная критика капиталистического трудового процесса вдохновила другие исследования и открыла активную дискуссию о природе трудового процесса в разных исследовательских полях.

> Идеи Фридмана и Эдвардса

Когда Брейверман раскрыл суть капиталистического трудового процесса, обсуждение сконцентрировалось в основном на простом, но крайне важном вопросе: почему рабочие так тяжело работают? Отсюда следует еще один вопрос: как происходит интернализация рабочими основных принципов капитализма, которые их ограничивают? Основные ответы на эти вопросы сформулировали Фридман, Эдвардс и Буравой. Эндрю Фридман (Andrew Friedman) выявил другую, более гуманную, сторону капиталистического контроля труда. Он утверждал, что рабочие на капиталистическом производстве не подвергаются прямому контролю и надзору, а обладают «ответственной автономией», в рамках которой они могут с удовольствием идентифицировать себя с целями производства. Фридман подчеркивает разнообразие и адаптивный потенциал управленческого контроля, сформированного стратегиями сопротивления рабочих.

Аналогичным образом, Ричард Эдвардс (Richard Edwards) разработал более глубокую картину стратегической природы отношений на рабочем месте.

Эдвардс обратил внимание на то, что Брейверман генерализирует основные черты тейлоризма и распространяет их на всю капиталистическую историю. Тейлористские принципы управления несомненно оказали влияние на контроль трудового процесса в 20м веке. Однако тейлоризм представляет собой лишь одну из форм управления. Эдвардс выделяет три модели контроля: простую, техническую и бюрократическую, каждая из которых является отдельной стратегией управления. Он вводит понятие «оспариваемых» (contested) рабочих мест, где контроль не обязательно носит абсолютный характер, но является результатом постоянных переговоров между рабочими и управлением. Таким образом, в противовес пассивному портрету рабочих, который мы видим у Брейвермана, Эдвардс значительное внимание уделяет конфликтной природе отношений на рабочем месте и сопротивлению рабочих. Хотя Фридман и Эдвардс в своем анализе подчеркивали активность (агентность) рабочих, им не удалось удовлетворительно ответить на вопросы о приверженности работников своей работе.

Чтобы ответить на вопрос, почему работники соглашаются с собственной эксплуатацией в рамках капиталистического процесса, исследователь должен обладать крайне высокой степенью эмпатии. Понимание субъективной позиции – это сложная и часто проблематичная социологическая задача. Исследователь должен отставить в сторону свои установки и теоретические представления, чтобы аутентично охватить опыт других людей. Истинная эмпатия ограничивается также тем, что исследовательские подходы формируются социальным контекстом. Чтобы выйти за пределы эмпатии, исследователь должен получить прямой доступ к реальности субъекта. Таким образом, чтобы ответить на вопросы о трудовом процессе необходимо провести этнографическое исследование.

> Основополагающие идеи Буравого

Майкл Буравой обладал не только выдающейся интеллектуальной дисциплиной, но и глубоким чувством эмпатии, руководствовался принципами рефлексивности и научного смирения. Эти качества позволили ему внести вклад в дебаты о трудовом процессе. Его основное отличие от других исследователей заключалось в том, что он старался ответить на вопросы не с удаленной объективной позиции исследователя, а получая ответы, опиравшиеся на субъективный опыт своей работы на промышленном предприятии в качестве наемного работника. Он провел значительное время на предприятиях, и опыт индустриального труда глубоко повлиял на понимание им динамики рабочего места, трудового согласия и взаимодействия между рабочим и капиталистом в ходе трудового процесса.

Работа *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism* [Производство

согласия: изменения трудового процесса в условиях монополистического капитализма] написана на основе его работы на чикагском предприятии машинного производства (Allied Corporation). Буравой непосредственно задается вопросом, каким образом рабочие активно осваивают и воспроизводят управленческую роль. Он отмечает, что возможные ответы на этот вопрос стоит искать в рамках капиталистического трудового процесса, который производит как товарную продукцию, так и согласие. Аналогично концептуализации Фридмана, который выдвинул тезис об «ответственной автономии» рабочих, Буравой показывает, что рабочие считают, что у них есть выбор.

Именно иллюзия выбора объясняет активную интернализацию рабочими правил капиталистического контроля трудового процесса. Работая станочником, Буравой переживал повседневную рутину и социальные взаимодействия на цеховом уровне. Он рассказывает о давлении производственных заданий, управленческого контроля и отношениях между рабочими, вызванными этим давлением. Он сообщает ценные детали о том, как рабочие стараются перевыполнить производственные задания, чтобы получить вознаграждение или дополнительные перерывы. Он утверждает, что эти игровые стратегии, которые он называет «выработкой» составляют элементы согласия на эксплуатацию. Он также показывает, что фокус на понятии контроля мешает пониманию истинной работы капитализма. Динамика принуждения и согласия в трудовом процессе маскирует эксплуататорскую природу капитализма.

> Производственная политика в капиталистическом, социалистическом и постколониальном обществах

Эти идеи в дальнейшем получили развитие в глобальном макро-уровневом контексте, представленном в его следующей работе, *The Politics of Production* [Производственная политика, 1985]. В этой книге Буравой анализирует политические и институциональные рамки производства в различных пространственно-временных контекстах. Он утверждает, что «производственная политика» определяется государством, рынками труда и динамикой классовой борьбы. Под влиянием этих условий формируются определенные режимы труда и производственные системы капиталистического, социалистического и постколониального обществ. Они проявляются на цеховом уровне организации труда.

При капитализме особенно важно управление, приоритетом которого является максимизация прибыли. Он показывает, как трудовое законодательство, социальная политика и идеология контролируют рабочих. При государственном социализме в Советском Союзе переговоры между рабочими и управленцами по поводу бюрократического контроля часто приводят к конфликтным отношениям, вызванным несоответствием приоритетов государства и потребностями рабочих. Эти условия усиливают социалистическую производственную политику, которая предлагает различные стимулы согласия и устанавливает механизмы сопротивления. И, наконец, обращаясь к постколониальному производству, Буравой разрабатывает глобальный подход, чтобы осмыслить как империалистические отношения продолжают определять трудовые процессы в постколониальных обществах. Он показывает, что глобальный капитализм

формирует трудовые режимы, прибегая к мерам неолиберального управления трудовыми процессами.

> Буравой операционализирует марксистский анализ, обращаясь к анализу императива производительности

В этих дополняющих друг друга монографиях Буравой представляет всеобъемлющую рамку понимания трудового процесса, связывая повседневный опыт рабочих с действием более общих политических и экономических сил. Таким образом, он подчеркивает значимость проведения аналитической работы на разных уровнях. Он также утверждает, что контроль и согласие как элементы капиталистического трудового процесса должны рассматриваться вместе, поскольку они соответствуют двусторонней природе капиталистических производственных отношений. Он считает, что на рабочем месте трудящийся человек одновременно обретает силу и является объектом подавления, и это является основной проблемой той конкретной гегемонии, которая находит воплощение в производственных отношениях.

Буравой эффективно применяет марксистский анализ производственного процесса. В центре его размышлений находится императив производительности труда. Объективно рабочая жизнь организована вокруг производительности. → Именно производительность труда создает прибавочную стоимость. → Наивысший возможный уровень самовалоризации капитала является основной мотивацией капиталистов. → Обнаруживая свободную рабочую силу на рынке, собственник приобретает ее, таким образом деньги трансформируются в накапливаемый капитал. → Социальный коллективный труд является более производительным, чем труд индивидуальных работников. Точнее говоря, труд является производительным в качестве коллективной рабочей силы. → Цель капитализма заключается в максимальном увеличении дохода. → В целях накопления капитализм закупает рабочую силу большого числа работников чтобы увеличить производительность социального труда. → Таким образом, чтобы увеличить производительность, наемные работники трудятся бок о бок, вовлекаясь в один процесс или участвуя в различных, но связанных между собой процессах. Эта цепочка аргументов приводит к тому, что Маркс называет «кооперацией рабочих». Более того, кооперація рабочих управляется в соответствии с планом, определенным управленцами и руководством от имени владельцев собственности.

Согласно теории Буравого, разделение труда является не целью, а средством роста производительности труда. Таким образом капиталистическая система воспроизводится производительностью труда, поскольку рост производительности труда предполагает увеличение прибавочной стоимости. Чтобы увеличить производительность труда необходимо обеспечить рост технического разделения труда. Таким образом задача управления состоит в том, чтобы обеспечить производительность, и при этом не обязательно следить за исполнением разделения труда. Работники, прежде всего, индивидуально производят часть продукта, но производство является социальным процессом. Целостный продукт производится коллективным трудом. Таким образом капиталистический трудовой процесс производит гегемонию, превращая рабочих в изолированных индивидов и одновременно делая их составными элементами коллективной рабочей силы. Как полагал

Маркс, коллективная сила социального производства приводится в действие организацией труда «как единого производственного тела», стремящегося улучшить показатели производительности.

> Теория Буравого о производстве классовой гегемонии

Вслед за Марксом Буравой отмечает, что капиталисты и их менеджмент жестко контролируют трудовой процесс. Подчинение труда капиталу является формальным результатом того факта, что рабочий работает под контролем капиталиста. Именно капитал определяет в основных чертах требования, предъявляемые к трудовому процессу. Направляющее руководство необходимо для гармоничной кооперации и развития производственных организаций. Таким образом одной из функций капитала является управление, обеспечение и приспособление трудового процесса к целям производства. И все же стремление капиталистов контролировать трудовой процесс не ограничивается ростом кооперации и производительности. Капитал и труд по сути находятся в постоянной борьбе по поводу контроля рабочего времени и присвоения прибавочного продукта. Управление и руководство являются основными инструментами предотвращения бунта на рабочем месте. Элемент согласия рабочих постоянно учитывается марксистским анализом. Однако, поскольку текст Маркса является, прежде всего, политическим (в отличие от социологического текста Буравого), он не обращается к вопросу о том, как и почему рабочие классы соглашаются с условиями менеджмента.

Исследования Буравого создают плодотворную рамку для анализа производства классовой гегемонии, фокусируя внимание на том, как капиталистический трудовой процесс препятствует развитию антагонистических форм сознания. Тем не менее, он показывает, что рабочие часто испытывают недовольство и фruстрацию на рабочем месте из-за давления показателей выработки, жесткого надзора и повторяющихся операций. В новых формах действия выражается не собственно классовое сознание, а скорее сознание оппозиционности режиму труда. Хотя рабочие на уровне сознания признают, что бизнес подучает доход, извлекая произведенную ими прибавочную стоимость, они требуют лишь уважения и автономии. Объективно отношение рабочих к средствам производства несомненно порождает конфликты, которые формируют их трудовой опыт «классовым образом». Несмотря на то, что класс всегда оказывается в формах фruстрации и недовольства ([как считает Томпсон](#)), напряжение не обязательно выражает себя в классовом сознании.

Буравой использует грамшианское понятие гегемонии, которое помогает осмыслить, каким образом согласие и принуждение соотносятся с моментами формирования коллективной воли. Богатая теоретическая и концептуальная рамка Грамши помогает понять формирование коллективной воли в результате трансформации отдельной субъективности в тотальность практики. Нarrатив Буравого показывает, что повседневный опыт каждого работника отличается своеобразием, подрывая их коллективную идентичность и формирование коллективной воли. Именно поэтому, например, рабочие конкурируют друг с другом, чтобы получить дополнительное вознаграждение за свою индивидуальную выработку. Личные экономические интересы препятствуют солидарным действиям разных категорий работников.

[Филиппини](#) отмечает, что Грамши определяет индивида как стратифицированное противоречивое человеческое существо, сформированное отношениями с обществом. Таким образом, индивид рассматривается им как «коллективный человек» (collective man), сконструированный здравым смыслом, который меняется в рамках идеологического пространства. В *Politics of Production* Буравой подчеркивает значимость идеологической сферы, хотя и не анализирует ее на страновом уровне. При этом Буравой отдает отчет в том, что он исследует американский контекст, где отсутствие политического и интеллектуального лидерства рабочего класса приводит к конкуренции между рабочими. Таким образом, стратифицированные и противоречивые индивидуальные интересы являются результатом неспособности рабочих перевести свои интересы в коллективную органическую форму.

Панич и Гиндин ([Panitch and Gindin](#)) обращают внимание на то, что Буравой считает профсоюзы центральным аппаратом гегемонии рабочего класса, который мог бы осуществлять диалог между различными фракциями рабочих и переводить их в режим конкретных практик. Очевидно, что трудовой процесс без коллективной политической агентности не позволяет различным сегментам рабочего класса выйти за пределы своей экономико-корпоративной позиции на основе солидарных интересов даже в чисто экономическом поле. Хуже того, при глобальном наступлении неолиберализма рабочие лишаются тех возможностей, которые представляют им профсоюзы как основная политическая организация, отвечающая за действия субалтерных классов.

> Заключительные замечания

Труды Буравого опираются на два положения. Во-первых, он полагает, что базовая реальность жизни рабочего формируется на рабочем месте. Во-вторых, он исходит из того, что трудовой процесс имеет прямое отношение к изменению устройства капитализма. На основании этих аксиом мы ставим перед собой задачу проанализировать неолиберальную трансформацию организации работы и ее воздействие на коллективную волю рабочих.

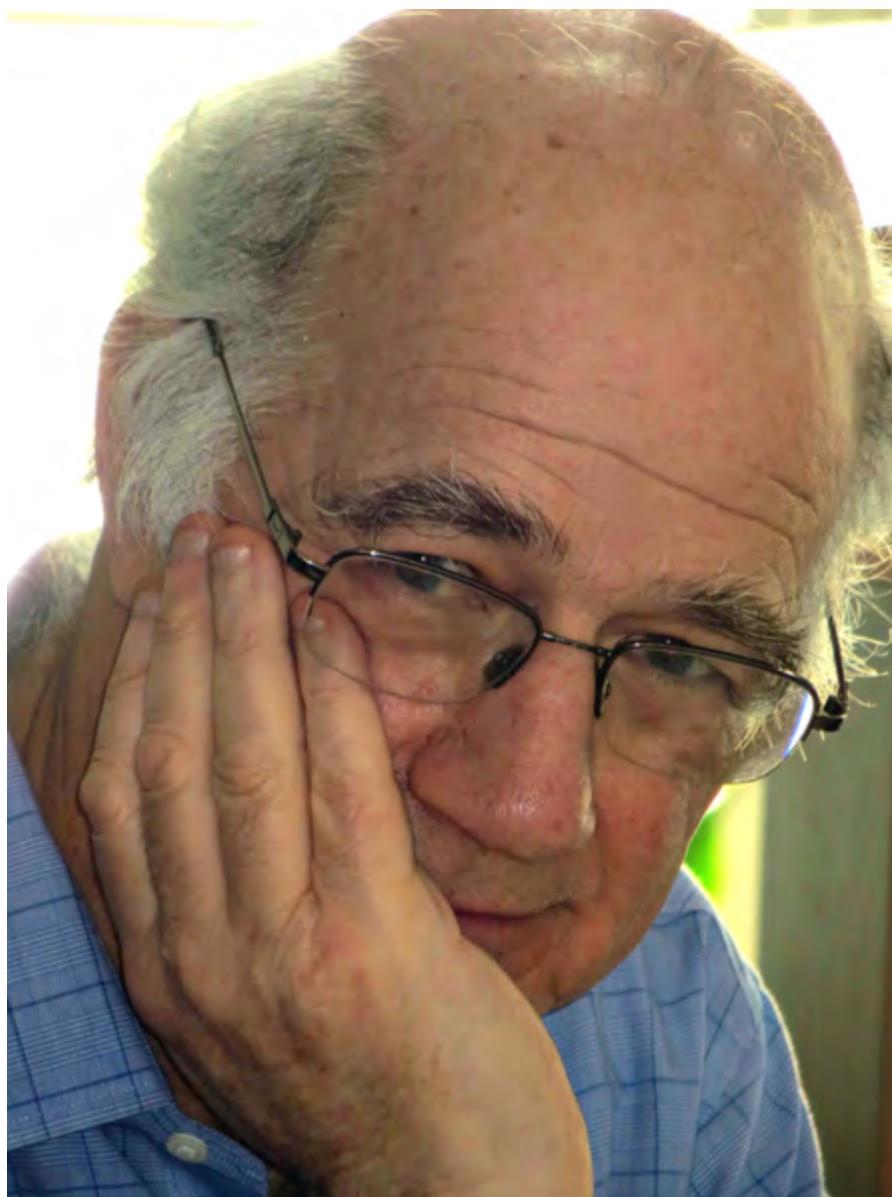
Очевидно, что ускоренная приватизация, характерная для эпохи неолиберализма, оказала реальное воздействие на работников приватизированных предприятий, которые массовым образом испытывают угрозу потери рабочих мест и лишены своих социальных прав. И при этом рабочие демонстрируют крайне слабые признаки недовольства политикой приватизации. Необходимо изучение причин отсутствия симптомов недовольства приватизацией.

Новые исследования должны подчеркнуть ключевое значение трудового процесса и опыта наемных работников, которые зарабатывают себе на жизнь, а также проанализировать гегемонию и контрегемонию при неолиберализме. Стоит также отметить, что в условиях неолиберализма опыт на рабочем месте может варьироваться. Новые исследования должны изучать не некий унифицированный и когерентный неолиберальный трудовой процесс, а принимать во внимание начальную позицию работника и осознавать, что трудовой процесс принимает различные формы и фигурации в разных отраслях экономики. Методологический концептуальный подход Майкла Буравого поможет этнографам нового поколения осмыслить опыт своей полевой работы. ■

Адрес для связи: <aylintonpal@gmail.com>

> Встречи и дискуссии с Майклом Буравым

Ари Ситас, Университет Кейптауна и Стелленбосский Университет, Южная Африка

Майкл Буравой во время лекции о Национальном университете Киево-Могилянской академии в Киеве, Украина. Фото Володимира Паниотто, Википедия.

С работами Майкла Буравого меня познакомил мой учитель Эдди Вебстер в 1979 году. Он принес мне только что вышедшую книгу *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism* [Производство согласия: изменения трудового процесса при монополистическом капитализме] и советовал использовать ее в лекциях, которые я должен

был вместо него читать в Университете Витватерсранда. «Это отличное дополнение к работе Хью Бейнона «Работая на Форда» [Huw Beynon Working for Ford], утверждал он. Итак, я пытался понять, как механизмы совладания рабочих с задачами трудового процесса производят и сохраняют капиталистическую гегемонию на цеховом уровне. Книга была написана на основе

>>

опыта работы на предприятии, подобном тому, которое Элтон Мэйо изучал в 1920х годах, когда он обнаружил неформальные сети солидарности рабочих. Однако, в отличие от Мэйо, Майкл сам работал на предприятии, а, в дальнейшем, на разных фабриках, стремясь выявить политику в сфере производства. Именно это стало открытием его второй книги *The Politics of Production: Factory Regimes Under Capitalism and Socialism* [Производственная политика: заводские режимы капитализма и социализма].

Впоследствии я обнаружил, насколько взгляды Майкла были близки Эдди Вубстеру и известному историку Лули Коллинексу, у которых я учился. Я в полной мере ощутил его щедрость, дружбу и заботу, когда мы лично встретились в Дурбане в 1989 году. Он восхищался нашей работой в театрализованном рабочем движении милиитантных профсоюзов и тем, как мы на свой лад практиковали «публичную социологию». Мы горячо обсуждали перспективы общественного движения, которое разворачивалось вокруг нас во время так называемой Рождественской Гражданской Войны.

Затем он дважды приглашал меня на социологический факультет Беркли (1993-1994 и 1999-2000). На самом деле он освободил меня от мучительного руководства Комитетом СМИ и культуры в последний период завершающейся гражданской войны, где мы должны были демонстрировать прогресс в дневное время и наблюдать возобновление насилия по ночам. В этот незабываемый год он познакомил меня со многими своими коллегами и друзьями – Питером Эвансом, Майклом Bootson, Гиллианом Хартом, Асефом Байятом, Мишель Уильямс и даже с Мануэлем Кастьельсом, которые очень хотели узнать о транзите в Южной Африке. Майкл в это время был увлечен тем, что происходило в постперестроечной России, и сравнение переходов было общей темой – призраком, бродившим по семинарским аудиториям. Я должен бы вернуться в Южную Африку для участия в первых по-настоящему демократических выборах в качестве наблюдателя от партии Африканский Национальный Конгресс.

Перед моими глазами стоит образ Буравого, приезжавшего в шлеме на своем спортивном велосипеде из Окленда, где он жил, в кампус и по дороге заглядывавшего на Рынок Монтри, около которого мы жили. Он постоянно советовал мне: «Почитай это...» и «Нет, лучше это», и я постепенно знакомился с тем, как он старается теоретически осмысливать свою этнографическую работу, что и сделало его значительной социологической фигурой.

Впоследствии в те годы, когда Южная Африка была моим вторым домом, мы неоднократно встречались. Он навестил нас в 2010 году, как только я переехал в Кейптаунский Университет, где он познакомил меня со

своей близкой подругой Эннмарии Волпе. Стареющая феминистка сразу же уговорила меня стать членом правления Фонда Гарольда Волпе (Harold Wolpe Trust), учрежденного в память об еще одном друге-социологе. Майкл хотел принять участие в публикации моей книги *Mandela Decade* [Десятилетие Манделы], которую инициировал Фонд. Но неотложные международные обязательства помешали ему сделать это. Он старался убедить меня работать с ним во время его президентского срока в МСА, но к этому времени я уже устал от восьмилетней работы в Ассоциации по налаживанию ее винтиков и шпинделей.

В 2012 году Сумангала Дамодаран из Университета Амбедекара в Дели пригласил нас на обсуждение качественных исследований в рабочих цехах и представление результатов изучения сообществ рабочего класса. Мы спорили обо всем на свете и не соглашались ни в чем! Я имею в виду следующее: его доступ к производственным пространствам был основан на сокрытии реальной цели его работы на предприятии и усилении марксистского влияния на уровне разговора в отделе кадров! Напротив, во время апартеида в ЮАР я получал доступ в поле не через управленческие структуры, а чаще всего через рядовых работников и профсоюзных деятелей. Мы также не соглашались в своем понимании термина «этнография» - имея греческое происхождение, я всегда испытывал неприязнь к слову, которое означает «приписывание этноса» субъектам!

Потом мы снова встретились в Йоханнесбурге, когда он вместе со своим другом Карлом фон Хольдтом работал над книгой о Бурдье. Затем мы общались онлайн во Фрайбурге, на встрече, организованной нашим другом Вибке Каймом, обсуждая публичную социологию и циркуляцию социологических идей. Потом в Кейптауне мы дискутировали об университетской системе и ее управленческом этосе. И, наконец, мы вновь встретились в Йоханнесбурге на семинаре, организованном Сарой Мосоца и Мишель Уильямс в память о нашем друге, Эдди Вебстере. Он также навестил тогда вышедшую на пенсию, но по-прежнему смелую и резкую в суждениях, Джекки Кок.

Через несколько недель Майкл погиб в Окленде.

Мы потеряли выдающегося социолога, который занимался трудом и практиковал социологию, синтезирующую макро- и микроуровни анализа. Передо мной стоит его образ – его походка, мел, таблица, которую он рисовал на доске, чтобы объяснить свои категории, его смех и его ужас перед грядущим злом. Он оставил нам свое осмысление авторитарного популизма и геноцидального насилия.■

Адрес для связи: <arisitas@gmail.com>

> Майкл Буравой: человек-маяк

Шайх Мухаммад Кайс, Университет Раджшахи, Бангладеш

Профессор Майкл Буравой был постоянным источником вдохновения для многих социологов Глобального Юга. Он проблематизировал идею о том, что «социология должна быть одна на всех» и страстно защищал существование «многих социологий в глобальном мире». В своих текстах и устных выступлениях он подчеркивал стержневую роль социологии на Юге, ставил под сомнение иерархии глобального разделения интеллектуального труда и выступал в защиту теорий, основанных на жизненном опыте наших обществ.

Работая в Бангладеш, я испытал глубокое влияние его видения деколонизированной и эмансипированной социологии. Я познакомился с Майклом в 2008 году, когда профессор Сеид Фарид Алатас пригласил меня участвовать в конференции в Тайпее (2009). В то время я был совсем молодым и крайне неуверенным в себе исследователем. Майкл с характерным для него великодушием помог мне подготовить абстракт и доклад моего первого международного выступления. Я никогда не забуду его поддержку. Примерно в то же время меня поддержала профессор Рэйвин Коннелл, и это усилило мою приверженность изучению особенностей социологии Юга.

Хорошо известное различие четырех типов социологии, которое развивал Майкл – профессиональной, прикладной, критической и публичной – подтолкнуло меня к размышлению о состоянии социологии в Бангладеш. В итоге я разработал понятие «гибридной социологии», под которой я понимаю социологию, в значительной степени зависимую от теорий и методов, импортированных с Севера, но при этом опирающуюся на эмпирические данные Юга. Такое гибридное состояние, само по себе, является симптомом кризиса: показателем того, что дисциплина сформирована в условиях зависимости и не способна полностью сформировать свои собственные интеллектуальные основания. Во многих странах Глобального Юга социология сформирована именно такой динамикой, опирается на внешние парадигмы и оставляет без внимания самобытное знание и реальности наших собственных обществ.

Такая гибридизация не является случайностью. Она возникает в обществах, где сохраняются определенные условия: зависимость от внешних академических

ресурсов, господство импортированных понятий над локальным творчеством, длительные эффекты колонизации и маргинальная позиция ученых Юга в глобальной иерархии знания. Эти условия создают социологию, которая ищет признания и валидации вовне, а не развивает уверенность в собственных интеллектуальных ресурсах.

Бангладеш представляет яркий пример этого состояния. В моей стране дисциплинарные границы социологии в течение длительного времени были невнятны, и она продолжает характеризоваться теоретической, методологической и институциональной слабостью. Университеты борются со структурными и административными кризисами. Дисциплина часто имитирует подходы, а не создает теории, укорененные в местных реалиях. Профессиональные ассоциации остаются слабыми, а неолиберальные реформы высшего образования разрушают возможности построить устойчивое поле науки. Эта ситуация производит то, что я называю гибридной социологией, которая отражает напряжение, зависимость и кризисы академического мира.

И все же этот кризис создает возможности. Чтобы трансформировать социологию в Бангладеш и других южных контекстах, мы должны реформировать программы обучения, создавать теории и методы, основанные на знании, продемонстрировать практическую релевантность социологии для наших обществ, усилить национальные и региональные профессиональные ассоциации и поддержать поколение саморефлексивных открытых к новому ученых, преданных своему делу и своим сообществам.

Влияние Майкла на развитие этих идей было решающим. Он не только вдохновил меня своим теоретическими прозрениями, но также напрямую обсуждал со мной мои попытки концептуализации гибридной социологии. Он читал мои черновики, реагировал на них и убеждал меня развивать и уточнять свои аргументы. Меня поражала не только его интеллектуальная прозорливость, но и его научная скромность. Для молодого неизвестного ученого из Бангладеш такое внимание одного из ведущих мировых социологов было удивительным и глубоко мотивирующим.

“публичная социология, критика гегемонии Севера, защита вовлеченного и деколонизированного знания”

Майкл не только оказал на меня большое интеллектуальное влияние. Я никогда не забуду его тепло и человечность. На конференциях он был открыт общению, искрился юмором, и щедро делился временем. Я помню, как он спрашивал меня об угощении и гостеприимстве в Academia Sinica во время конференции в Тайпее, а затем пошутил: Ну если Шайх говорит, что было отлично, значит, и в самом деле отлично!. На всемирном конгрессе в Мельбурне в 2023 году мы ходили и фотографировались вместе как папараци. Он смеялся над моей старомодностью и реагировал на все это с большим чувством юмора. Когда он узнал, что меня избрали членом исполнкома МСА, он радостно искренне поздравил меня.

Майкл был для меня настоящим маяком. Подобно тому, как корабли ориентируются на свет, плывя в темноте, я опирался на него в поисках ясности и направления в часто путанном мире глобальной социологии. Его наследие

– публичная социология, критика гегемонии Севера, защита ангажированного и деколонизированного знания – все это сформировало мой интеллектуальный путь. Все это станет руководством для многих ученых Глобального Юга.

Майкл стал основателем Глобального Диалога, журнала МСА, который предоставил платформу для голосов социальных ученых всего мира. Команда редакции журнала в Бангладеш хотела провести международную конференцию, посвященную Глобальному Диалогу, и я собирался пригласить Майкла в Даку. К сожалению, эта мечта теперь не может осуществиться.

Дорогой Майкл, память о тебе навсегда сохранится в моем сердце. Ты осветил путь очень многим из нас. Покойся с миром. ■

Адрес для связи: <skais11@yahoo.com>

> В честь Майкла Буравого: марксистский взгляд на индустрию маршруток в Южной Африке

Сиябулела Фобоси, Университет Форт-Хэр, Южная Африка

Майкл Буравой является выдающейся фигурой в социологии, особенно в области публичной социологии, где его этнографические методы и марксистские идеи изменили понимание труда, капитализма и государственной власти. Его работы предоставили критическую точку зрения для анализа систем эксплуатации и сопротивления в капиталистических экономиках. Отдавая дань уважения научному вкладу Буравого, мы считаем, что его теории по-прежнему имеют большое значение для современных исследований, в том числе для тех, которые посвящены изучению индустрии микроавтобусов-такси в Южной Африке.

Фундаментальная работа Буравого «Производство согласия», опубликованная в 1979 году, заложила основу для изучения того, как работники справляются с эксплуатацией в условиях капитализма, часто соглашаясь на собственное порабощение через структуры рабочего места и государственную политику. Его критика государственного вмешательства и капиталистических реформ предлагает мощную основу для анализа динамики неформальных рынков труда. Нигде она не является более актуальной, чем в индустрии микроавтобусов-такси Южной Африки: неформальном, но важнейшем секторе, который возник в результате пространственной сегрегации в эпоху апартеида и продолжает функционировать в условиях нестабильной занятости.

Дeregulирование отрасли в конце 1980-х годов, которое позволило ей быстро расшириться, соответствует концепции Буравого о «стратегической избирательности», согласно которой государственная политика намеренно благоприятствует формализованным капиталистическим предприятиям, игнорируя или маргинализируя неформальную экономику. Эта теоретическая перспектива помогает объяснить, почему последовательные государственные вмешательства, в том числе Программа рекапитализации такси (TRP), не смогли существенно улучшить условия жизни работников микроавтобусов-такси. Напротив, эти вмешательства в основном служили интересам капитала, модернизируя инфраструктуру, но не решая проблему условий труда.

Социологические исследования индустрии микроавтобусов-такси, такие как мое собственное, подтверждают выводы Буравого о фрагментации труда и структурной эксплуатации работников. Мое исследование показывает, как водители маршруток, работающие без контрактов, льгот и правовой защиты, сталкиваются с экономической нестабильностью и подвергаются рыночной конкуренции, которая подрывает их

Обложка отредактированного издания «Производства согласия» 1982 года. Иллюстрация The University of Chicago Press.

переговорную силу. Мой анализ государственной политики подтверждает аргумент Буравого о том, что реформы в рамках капиталистических структур часто ставят экономическую эффективность выше прав работников.

Как напоминает нам работа Буравого, для значимых изменений требуется не только изменения в политике, но и организованное сопротивление и структурные преобразования. Применяя его марксистскую концепцию, ученые и активисты могут отстаивать реформы, которые ставят во главу угла защиту труда, справедливые государственные субсидии и коллективные переговоры для водителей маршрутных такси. Эти усилия не только чтят интеллектуальное наследие Буравого, но и приводят борьбу за справедливость в неформальных секторах труда.

Приверженность Майкла Буравого публичной социологии подчеркивает необходимость активной научной деятельности в борьбе с социальной несправедливостью. Его работа остается ориентиром для тех, кто стремится разгадать противоречия капитализма и отстаивать справедливые трудовые отношения. Отдавая дань его вкладу, мы вновь утверждаем роль социологии в формировании более справедливого и гуманного общества. ■

Адрес для связи: <sfobosi@ufh.ac.za>

> Периодическая таблица осуществимой утопии

Дэвид Голдблatt, независимый социолог и журналист, Великобритания

THE PERIODIC TABLE OF A FEASIBLE UTOPIA

This image is a periodic table titled 'THE PERIODIC TABLE OF A FEASIBLE UTOPIA' by David Goldblatt. The table is a grid of 18 rows and 18 columns, with each cell containing a symbol, a letter, a number, and a brief description of a social or environmental goal. The rows are color-coded and grouped into categories: Row 1 (Love, Hope, Solidarity); Row 2 (Mutual Aid, Day Dreams, Social Housing); Row 3 (Empathy, Solidarity); Row 4 (Compassion, Mutual Aid, Day Dreams, Social Housing); Row 5 (Roots, Citizen Juries, Portable Paradise, Peoples' Palaces); Row 6 (Laughter, Decentralisation, Improbable Connections); Row 7 (Balance, Politics as a Vocation, Critical Thinking); Row 8 (Fundamentals, Micropolitics, Imaginability); Row 9 (Civil Cities); Row 10 (Self-Propulsion); Row 11 (Urban Botanicals); Row 12 (Circular Economy); Row 13 (Zero Carbon); Row 14 (Universal Welfare); Row 15 (Lifelong Learning); Row 16 (Financial Transaction Tax); Row 17 (The Pleasure Force); Row 18 (Interests of Future Generations); Row 19 (Therapy); Row 20 (Good Deaths); Row 21 (Unusual People); Row 22 (Plus); Row 23 (Chance Encounters); Row 24 (Sources of Intimacy). The last two rows are purple and contain symbols for Family, Friday Night Dinner, Lesbian, and Friendship.

©David Goldblatt www.feasibleutopias.org

“Периодическая таблица осуществимой утопии” – это художественная инсталляция Дэвида Голдблата, которая заменяет химические элементы компонентами желаемого и возможного общества.

Я не совсем уверен, откуда взялась идея периодической таблицы, но я списываю это на безумие карантина. Однако я точно знаю, что в ней было много элементов. Впервые я столкнулся с ней в детстве в энциклопедии. Я помню, какое удовольствие доставляло мне ее дизайн с рядами цветных прямоугольников и загадочной номенклатурой. Как бывший студент-химик, я уважаю и восхищаюсь ее научной и интеллектуальной элегантностью. Как читатель книги Примо Леви «Периодическая таблица», я с восторгом увидел, что таблица может быть превращена в такую богатую метафорическую территорию, сетку как структуры электронов, так и структуры эмоций.

Конечно, альтернативных периодических таблиц не мало – посмотрите в Интернете. Вы найдете кофе, Йоркшир, ругательства, некоторые смешные, некоторые нет, но Менделеев заслуживает большего. Что-то более глубокое? Что-то более удивительное? Я думал о манифестах – художественных, поэтических, политических и других – и задавался вопросом, не слишком ли они длинные, текстовые и линейные, чтобы выжить в эпоху такого раздробленного

>>

внимания и фрагментированного сознания. Как в эпоху Instagram мог бы выглядеть манифест утопии? Моим ответом стала «Периодическая таблица возможной утопии».

Сначала она появилась на бумаге в виде набросков карандашом и ручкой в альбоме для рисования, затем была перенесена в цифровой формат, а потом напечатана на картоне и на один день вывешена на огромной стене, которую мне предоставил художественный проект. Позже я делал плакаты, такие как тот, который вы видите на фотографии с Майклом, и выставлял таблицу в пустом магазине в заброшенном торговом центре в центре Бристоля.

Мы превратили магазин в аптеку под названием «Утопическая химия» и пригласили публику изучить Периодическую таблицу. Если посетители оставались, мы объясняли им, что мы не обладаем монополией на

мудрость. Есть ли в их представлении об утопии элемент, который они хотели бы добавить? Если да, мы его придумывали. Мы печатали две открытки с этим элементом, одну из них дарили посетителям, а другую вешали на стену, чтобы создать второе произведение искусства: «Народная периодическая таблица возможной утопии».

Майкл Буравой был очень воодушевлен «Периодической таблицей возможной утопии», рассматривая ее как графическое представление «реальных утопий» Эрика Олина Райта. Думаю, Майклу понравилась бы эта интерактивная и популярная версия, особенно безумные, интимные и нестандартные разговоры с людьми о том, каким мог бы быть мир, часто с людьми, у которых не было возможности размышлять об утопии столько, сколько они хотели бы. Думаю, это относится ко всем нам. ■

Адрес для связи: <tobaccoathletic@yahoo.co.uk>

Майкл Буравой с интересом рассматривает «Периодическую таблицу осуществимой утопии» в Лондоне, 2024.

Посетители инсталляции «Периодическая таблица осуществимой утопии» в торговом центре в Бристоле, ВБ, приглашались добавить свои собственные предложения, чтобы создать вторую, «народную» периодическую таблицу.

> Время для социологии

Международная социологическая ассоциация (МСА)

В то время, когда лидеры государств поощряют недоверие к науке и усиливаются нападки на социальные науки;

В то время, когда фейковые новости распространяются шире и с большим эффектом, чем аналитические материалы, основанные на научных исследованиях;

В то время, когда многие политические лидеры распространяют язык ненависти и лишают часть населения права на полноценное гражданство;

В то время, когда дегуманизация целых категорий людей вновь становится широко распространенным инструментом для утверждения и укрепления власти;

В то время, когда научные доказательства отрицаются с целью игнорирования системных экологических и социальных чрезвычайных ситуаций;

В то время, когда государства подавляют тех, кто выступает против геноцида, системного насилия и расизма;

В то время, когда беспрецедентная концентрация богатства позволяет небольшому числу мультимиллионеров контролировать массовые и социальные медиа;

В то время, когда человечество сталкивается с взаимосвязанными глобальными кризисами, которые определят жизнь будущих поколений;

В то время, когда академическая свобода находится под угрозой даже в устоявшихся демократиях; Мы считаем, что критические вмешательства социальных ученых необходимы как никогда.

И мы вновь подтверждаем ценности и обязательства, лежащие в основе нашей работы как исследователей, педагогов и публичных интеллектуалов.

Мы выступаем за:

- **Строгую социологию**, основанную на фактах и анализе, которая отвергает упрощенные нарративы и принимает сложность мира;
- **Независимую социологию**, которая напоминает нам, что слова власть имущих не всегда правдивы, и что ложь, повторенная тысячу раз, остается ложью;
- **Критическую социологию**, которая ставит под сомнение растущее неравенство и бросает вызов мифу о самодельном человеке, упрощенному акценту на рынках и потребительстве, а также альфа-маскулинности;
- **Публичную социологию**, которая участвует в гражданских дебатах не с позиции мнимого интеллектуального превосходства, а в диалоге с теми, кто стремится преобразовать общество и защитить общее благо;
- **Общую социологию**, которая противостоит рискам гиперспециализации и фрагментации и занимается актуальными проблемами нашего времени;
- **Глобальную социологию**, которая учится у исследователей и общественных деятелей из разных частей мира, как понимать и решать проблемы XXI века, и способствует формированию чувства общей человечности.

“социология стала незаменимым инструментом для совместной жизни на ограниченной планете”

Мы твердо верим, что социальные науки и академическая свобода являются неотъемлемой частью демократии и должны защищаться и поощряться.

Мы считаем, что информированная, исторически обоснованная и социологически значимая публичная дискуссия имеет жизненно важное значение для понимания и преодоления кризисов нашего времени.

Мы убеждены, что социология не только помогает нам понять мир, но и построить более справедливое, благоприятное для жизни, мирное и устойчивое будущее.

В эпоху климатических изменений, войн, растущего неравенства и ненависти социология стала незаменимым инструментом для совместного проживания на ограниченной планете.

Декларация была представлена **президентом МСА Джейфри Плейерсом** на **5-м Форуме социологии МСА в Рабате** 6 июля 2025 года. Ее поддержали бывшие президенты МСА Сари Ханафи, Маргарет Абрахам и Мишель Вивьорка; нынешние вице-президенты МСА: Эллисон Локонто, Бандана Пуркаяста, Элина Ойнас и Марта Солер, а также президенты Европейской и Латиноамериканской ассоциаций социологии и Латиноамериканского совета социальных наук (CLACSO) Кая Гадовска, Хесус Диас и Пабло Воммаро. ■

Рабат, Июль 2025

46

Мы привлекаем поддержку отдельных социологов и членов более широкого сообщества социальных наук. Присоединяйтесь к нам, добавив свое имя к этому коллективному заявлению о преданности делу и солидарности, заполнив [этую форму](#).

